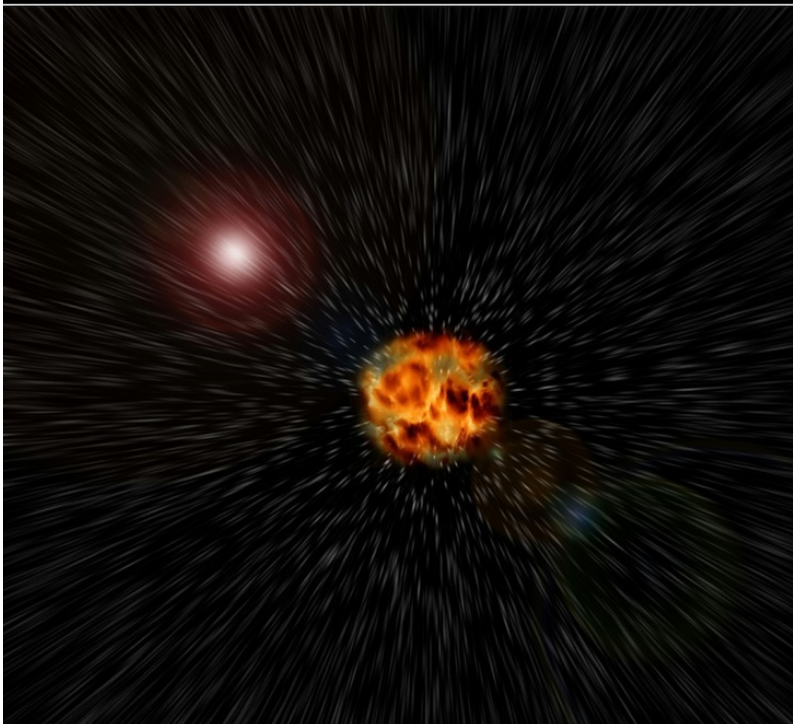

Евгения Лазарева

Мгла

Евгения Лазарева

Мгла

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18149891
ISBN 9785447467838*

Аннотация

Вы никогда не задумывались, что вторжение может быть совсем незаметным и совершенно непохожим на то, что описывают в книгах и показывают в фильмах? И вместе с тем намного более страшным и опустошающим. Как остаться человеком в нечеловеческих обстоятельствах, на арене схватки, где вид хомо сапиенс является просто разменной монетой. Взгляд четырех людей, четырех непосредственных участников событий. Четыре жизни, четыре выбора. Какой из них ближе именно вам?

Содержание

Пролог	5
Серёга	7
Тося	33
Он	54
Серёга	68
Тося	86
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Мгла

Евгения Лазарева

© Евгения Лазарева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Темнеет. Стелется поземка, заматая дороги и тропинки зарывшегося в снег городка. Появляются первые звезды, крепчает морозец. На улицах пустынно. Внезапно тишину пререзает гудок прибывающего поезда. По заснеженному перрону бегут огни от окон вагонов. Состав тормозит, слышится скрежет открываемых дверей, спускаемых лестниц. И небольшая площадь перед вокзалом вмиг наполняется вопящей толпой, спешащей добраться до автобусов. Пассажиры пихаются, лезут, ругаются, с трудом поворачивая друг к другу разгоряченные красные лица, и наконец втискиваются в узкие салоны. Машины, давясь и пытаясь изрыгнуть человеческую массу, натужно взрываются и, скособочившись, тяжело трогаются в путь. Постепенно растворяются все резкие звуки. На пяточке вновь становится пусто.

Налетает колючий ветер, кружит волчком, гонит ледяную крупу по безлюдной площади, а пролетающая ворона, поперхнувшись, захлебывается своим криком. И сквозь свист пурги неожиданно проявляется отдаленный, наводящий тоску нестройный вой, в котором угадывается ритм неведомого языка. Над городом сгущается тьма.

Хмурое утро не приносит облегчения. Черные слепые окна, унылый стук дверей незапертых подъездов, разбитые на первых этажах стекла да одинокий вопль обезумевшего

человека. Жители с опаской выбираютя из квартир, спеша поскорее завершить неотложные дела, требующие присутствия вне надежных стен, и исподлобья рассматривают каждого встречного. А снег идет и идет, укрывая толстой шубой все вокруг, но никто не собирается его убирать или утапывать. Прибывших накануне без остатка всосала ночь.

Сергеа

Первым урок истории. Дико охота спать, ешкин кот. За окнами темно. И глаза слипаются, не продохнуть. Голос Наталиванны не чище киселя, нафиг. А стрелки часов натурально в ступоре. Пятнадцать минут от начала, и впереди дохрена этой байды. По ходу, еще малехо, и закемарю, по любому. А это нельзя, с Наталиванной встревать – самый отстой. Короче, не хило бы напрячься. Ага? Училку, блин, несет, как обычно. Вот она чуток замолкает. И от двери тут же проступает тихонький звук. Круто. Что за ералаш, ядрена вошь, а? Отклоняюсь слегонца в сторону, чтобы лучше въехать. Базар училки тем временем пендюрит дальше. Но забить на странное шкрябанье мне уже впадлу. Вставило. Вроде скребут чем-то. Типа какая-то хрень старается поддеть дверь когтями, что ли. Кто же это, блин? Псина? Кошка? А по ходу, крыса?! Это было бы самое клевое, ага. Прикольнулись бы ништяк. Но нет, непохоже. Тишком даю косяка на Лизку Галюнову, мою соседку. Она просто вся в Наталиванне, преданность прям через край. Умора! По любому ни хрена не слышит. Ну, это-то понятно, блин. Типа я сижу ближе всех к выходу. И никто, кроме меня, возню крысиную не просекает. Клево! Как бы ее подманить, грызунью-то эту? Даж ерзаю от нетерпения.

Вдруг дверь малехо открывается, типа от сквозняка.

Ништяк. Сейчас круче всего – не проморгать мудачкое животное. Но пока глухо, только холодом маленько подает. Наталиванна затыкается, щурится сквозь очки. Неужто что-то засекла? Окуляры, в натуре, сильная вещь.

Бли-ин! Типа из ниоткуда выплывает Гандыря. Синюшный, ядрена вошь. Зенки мутные. Волосья колтуном. А руками типа загребает. Стоит такой и пошатывается. Отпад полный! У нас сразу тишина в классе замогильная. Ну, нихрена себе! Картина супер. Ага? Что это с ним? Ведь пацан-то, блин, правильный. Не квасит, не ширяется. С его родоками поживи, точнояк рехнешься. При таком раскладе или сразу копыта отбрасывать, или жить примерно. По любому. Ага. Чего же с ним стряслось-то? По ходу, заболел типа?

И тут он выставляется на меня. Прямо глаза в глаза. И я начинаю в натуре охреневать. Мертвый рыбий взгляд просто засасывает. Не улизнуть. Вцепляюсь в парту и стараюсь оторваться. А он, типа, признал. Кривит губы: «Ха! Серега!». И скребущие пальцы ко мне тянут. Крындец, короче, полный.

На мое счастье Наталиванна рявкает:

– Гандырин! Это что еще такое? Посмотри на себя! Как ты смеешь опаздывать? И являться на урок в таком виде? Марш домой! Приведи себя в порядок, и чтобы я тебя так больше не видела! Совсем уже совесть потеряли. И учти, директор сегодня же узнает о твоём поведении!

Гандыря вздрагивает, внимательно смотрит на нее – ведь

он боится Наталиванну больше математички. Коряво поправляет пиджак. И как в коматозе удаляется. А в кабинете еще несколько минут висит тишина. Охренеть, правда?

С этих пор Гандыря не появляется в школе. И никто и нигде с ним не пересекается. Как в воду канул, ядрена вошь. Наши чуваки насчет пацана натурально без понятия. Строят догадки, одна чудесатее другой. Но стопудово по этому поводу ничего не знают. А уж я забить на него по любому не могу. Как еще не описался тогда со страха, блин. Класснуха, в конце концов, посылает к нему Ваську Лисицына. Чтобы прояснить, что почем. А нихрена. Тихо за дверью у Гандыри. Как в морге. И соседи, по ходу, тоже не в курсе.

Потом помалеху совсем непонятки начинаются. Знакомые в квартале пацаны и девчонки куда-то потихоньку пропадают. Кто просто на уроки не приходит, а кто сваливает прям посреди занятий. Типа заболели. Только тютю их больше. Как и Гандыри. Не знаю, с какого хрена, но все это сильно напрягает. Не объяснить, блин. Только похоже на ловушку. Куда подманили, и которая, типа, щас захлопнется. В натуре.

Ну, болтовня болтовней, ядрена вошь, а с утра поцапался, блин, с батяней. Дошло чуть не до драки. Изображает, ешкин кот, из себя крутого перца. А сам какашка какашкой. Ага. И ко мне еще с поучениями лезет, козел. По ходу, точняк из-за него опаздываю. Несусь типа мустанг в пустыне. Влетаю весь в пене в школу. И прямой наводкой втяпываюсь в тор-

мознутого пацана. Ладно, хоть насмерть не зашиб. Ну. Отпи- хиваю засранца. И хренею. Это по любому один из тех чок- нутых. Ну, типа, заболевших. Без вопросов. Рожа синюш- ная, глазенки суетливые, руки туда-сюда дергаются. Слоня- ется такой по коридору. Прислушивается, принимаивается, блин, не понять, к чему. Ни дать, ни взять – шизик. Брюхом чую, от него подальше держаться надо. Ну, типа, сторонкой, и в класс.

А в начале урока, ядрена вошь, посылают меня за мелом. Дежурный я сегодня. Ну, влом, конечно, но что ж де- лать. Чапаю себе потихоньку. Дверь учительской приоткры- та, и там темно. Видать, нету никого. Но, по любому, надо проверить. А то влипнешь, как Лешка Турындин в прошлом году, га-га. Ну, стучу. Не отвечают. Ништяк. Двигаю прямо- ком к шкафу, где мел зафигован. Тут, бац, за спиной что- то падает. От неожиданности подскакиваю и мигом оборо- чиваюсь. Твою мать! У стены напротив покачивается физик. С перекошенными очками, раскрытым ртом и выпученны- ми зенками. Прикинь. И пытается отодрать от себя какую-то черную хрень, облепившую его сверху донизу. А еще улавли- ваю чуток слышное хлопанье. Наполняющее меня уже про- сто охренительным ужасом. Застываю. Никак, ядрена вошь, не сдвинуться. Тут звуки маленько слабеют. Белесое пятно повертывается от физика. И в нем, в натуре, просекается ро- жа того самого утрешнего пацана. А-а-а-а-а! Блин, блин! Пу- лей выметаюсь, откуда только силенки берутся.

Мчусь, не разбирая дороги. Никак не унять дрожь. Зубы стучат, как у скелета. Мне натурально страшно. Что, ешкин кот, за дерьмо там было? В коридорах еще, блин, пусто, жутко. Оставаться здесь просто жуть, точняк. Куда же, ядрена вошь, заховаться? О, в спортзале дохрена народу. Можно тишком пробраться, спрятаться за матами, никто и не заметит. Ну, заполз, короче, сижу, трясусь. В дальнем конце носятся салаги, вопят. Типа ничего не случилось. Ага. Знали бы они, блин! Смотрю на них, смотрю и чуток успокаиваюсь. Трещит звонок, зал пустеет на перемену. По ходу, нужно в класс возвращаться, хотя бы сумку забрать. Ну, или остаться, это уж как покатит.

На подоконнике сидит Толька, мой друг. Болтает ногами, чумичка. И насвистывает себе чего-то прикольное. Ждет меня, по любому. Ага, вон и рюкзаки наши рядом валяются. Засек, козлина. Ухмыляется щербатым ртом. Челюсть-то ему давно уж попортили. Ну и ништяк, не телка. Поди, и так перебьется по жизни.

– Слышь, чувачок? Какого хрена ты с урока-то смылся, балбес? Проблем, видать, захотел? Ну?

Рассказывать неохота, по любому засмеет. Но слова так и лезут, ядрена вошь. Когда базаришь, вроде легче становится. Ну, вот, блин! Как я и думал. Презрительно жмурится. Кривит рожу. Совсем говняно, короче, выходит. Приходится понтовый знак показывать. Ну, типа, между нами за символ правды. А все равно, козлина, качает черепушкой, сплевыв-

вает тишком. Но ему, блин, интересно. Такое, точняк, стремно пропустить. Сам, короче, вызывается смотаться в учительскую, навести, типа шухеру. Ага, кому-то занятно, а я, блин, так зассал, до сих пор отойти не могу.

По ходу, остаюсь ждать, кусая ногти от нервности. Неизвестность – она стопудово пугает. Так минут пять торчу, не меньше. Уже всякое в башку-то лезет. А тут Толян выворачивает, крадучись, из-за угла. И с ужасающим, прикинь, рычанием бросается ко мне. Цветные пятна вмиг рвутся в моих зенках. Мудила! Потной ладонью, бац, еще рот зажимает, чтобы я не орал. Шипит в ухо и ржет. Вдвойне козел! И вот с ним я дружу?

Мы чуток невзাপравду махаемся. Потом он выкладывает, типа в учительской тусила куча народу. Ну, а физик, вроде, как физик. Короче, ни следов присосок, ничего такого. Правда, типа, как сильно долбанутый или недоделанный. Но мало ли что бывает.

По ходу, Толян мне нихрена не верит. И опять задирает, типа не хило бы ужастиков меньше смотреть. Сам бы в такое влип, по-другому бы запел. Ага. Видать, рожа у меня совсем грустнеет. Только хмурится, цокает зубом. И предлагает по любому последить за преподам, раз уж я так встрял. Точняк дружба – это дружба, ядрена вошь. Кореша, блин, не кидают друг друга.

Ну, двигаем на уроки. Дальше все, как всегда. Но я так, блин, рад, когда трезвонит последний звонок. Что можно,

ешкин кот, свалить отсюда. И не дрожать. Не париться. Толяныч, козлина, остается пасти училку Оленьку. Павлин тоже мне нашелся, ядрена вошь. Нет, чтобы морально поддержать дружбана. Сопроводить до дома. Того-сего. Ну, считает он, типа я гоню, ну и что? От этого нихрена ведь не меняется. Не глюки это были стопудово. Страшная вещь случилась утром. Не отмажешься. Щас типа заново накатывает, аж стремно от ужаса. И просто так не понять, блин, что происходит. Не спрятаться, не затаиться. Типа, по любому затравят, разорвут. Рано или поздно, прикинь.

Как пусто, ешкин кот, на улицах. Только изредка прохожие. Зыркают исподлобья, типа щас нападут. По ходу, в натуре я втяпался, мерещится всякое. Черные тучи еще нахрен колбасят серый день. И сгущают мой страх. Бегу, как придуток, к дому. Аж дыхание пережимает. Быстрее, быстрее. Заруливаю в темный подъезд и торможу. Не хило бы заставить себя подняться по лестнице. По любому. Но, кажется, меня повсюду подстерегает та гадина, что напала на физика. В каждом углу, за каждым поворотом. В ней точняк не осталось ничего от пацана. От человека, ядрена вошь. Вот так ходишь, и не знаешь, кто рядом толчется. Он тебе лыбится, а через секунду раздирает на части. Ништяк? Блин, но не тусить же тут вечно. Накручиваю, поди, себя почем зря. Так постоишь, постоишь да и в натуре нарвешься на какого-нибудь мудилу. Двигаю вперед. Руки дрожат, да и сам я не очень. Короче, взмокший, вваливаюсь в квартиру. За-

хлопываю дверь и выдыхаю. Получилось! Но всякий раз так маяться натурально очумеешь.

Просто охренеть, как дома тихо и спокойно. Напряги помалеху уходят. Можно по любому расслабиться. И, по ходу, чего-нибудь сожрать, чтоб с голодухи копыта не отбросить. Короче, делаю бутики, включаю комп. И пошла веселуха! Часа два только капающий кран чуток раздражает. Но встать и закручивать – влом.

Внезапно улавливаю какой-то шум. Хочешь, не хочешь, а прислушиваюсь. Блин, ешкин кот! Типа, кто-то тихонько скребется, толкает входную дверь. Вжимаюсь в кресло, затихарившись. Маленько выждав, бросаюсь проверить замки. Все ништяк, блин. Клево. А там возятся сильнее, хихикают. Потом, будто удар, свистящий шепот:

– Мальчик, открой... открой, мальчик...

Как сильно бьется сердце. Трудно дышать. Не оторваться взглядом от покорябанного дерматина.

А дальше... Дальше этажом выше щелкает замок, и сосед-второклашка пищит:

– Да я недолго, мам! Ну, ты чего? К Димке и обратно!

И стучат быстрые шаги. И вдруг обрываются коротким вскриком на нашей площадке.

Сосущие чавкающие звуки. Шорох уволакиваемого тела.

А позже – тишина.

До прихода предков торчу, в ступоре, в своей комнате. И жду. За окном воет ветер. И в его столах просекают-

ся изредка слова «мальчик, открой... открой, мальчик...». Жесть.

Родоки выпадают, как обычно, в семь. Маманя устало тащится в кухню. Батя моет руки, плюхается с газетой у телека. Все как всегда. Это точняк мои родители, по любому. Клево. Я же, по ходу, чувствую себя виноватым. Хрен знает, в чем, блин. Короче, заруливаю в кухню и после недолгого молчания предлагаю помочь. Маманя натурально хренеет. Стоит, выставившись на меня. А потом выгоняет кухонным полотенцем. Вот так, ешкин кот. Только придумаешь доброе дело, его сразу и зачморят.

А за ужином они обсуждают, что в городе, по ходу, эпидемия. Чуваки, типа, заболевают. Берут больничный. И на работу больше не выходят, ядрена вошь. По ходу, мрут целыми семьями. И никакие врачи им не подмога. А начальнички, как обычно, блин, замалчивают и нихрена не делают. Знай, деньги гребут, сволочи. По любому, ешкин кот.

Потом слышу еще кое-что интересненькое:

– Мать, помнишь Пал Иваныча? Который мастером у нас шурует. Так вот, он недели две назад звякнул, сказал, типа заболел.

– И что?

– А то, блин, что он тридцать лет на заводе корячится, а больничный брал только раз. Да и то из-за травмы, ядрена вошь.

– Ну?

– Ну что «ну»? Через неделю я ему брякнул, блин. Что-бы, короче, прояснить, когда он в цех намастрячится. А там, прикинь, трубу не берут, твою мать. Ну, я и послал, по ходу, Санька к нему. Ну, который живет в соседнем доме. Помнишь Санька?

– Ну.

– Ну, что «ну»? Чуть что, ты сразу «ну», блин! Говорит, не открывают, ядрена вошь. И соседи, по ходу, никого из них давно не видят, так тебя растак.

– И что?

– Ну, ты, мать, как всегда! Пал Иваныч, в натуре, уважаемый человек. Проживает, блин, с женой, сыном, невесткой и двумя внуками. У них всегда кто-нибудь дома торчит.

Маманя молчит. А батя продолжает, чавкая, поедать суп.

– Так вот, дело этим не закончилось, ядрена вошь. Я, короче, брякнул в поликлинику. Побазарил, блин, с ихней врачихой. Клевая бабенка, по ходу, тудык растудык. Ну, она мне и напела. Типа больной Возюков натурально был у нее на приеме. Со странными, твою мать, симптомами. И ему, прикинь, назначили кучу анализов. Но на повторный прием он не явился, блин. И ничего не сдавал. Просекаешь? И типа такой случай на ее участке уже не первый, ешкин кот. Ну, что скажешь?

Маманя кладет второе в тарелку бати.

– Но вот что самое охренительное – никто из семьи Пал Иваныча у нее на осмотре не был! Она типа думает, их сра-

зу же увезли на скорой. Клево? А реально Пал Иваныча в больнице тоже нет! Я проверял, блин. А? Каково? Чего ты все молчишь-то, ядрена вошь?

Мама плотнее сжимает губы и несколько раз обводит пальцем цветок на скатерти. Потом тихо говорит:

– Да у нас уже три человека из отдела не появляются на работе. Начальница в ярости. А мне, почему-то, не по себе. Девчонки вон шушукаются. Рассказывают всякие страсти, с ума сойти. Сына, что с тобой?

– Да, Серег, как у тебя дела в школе? Что-то мы тут с матерью развели парафину, блин. Чего там с оценками-то?

Я пожимаю плечами. Уворачиваюсь от цепкой руки бати и двигаю к себе. Короче, по любому ясно, чудеса происходят не только у нас в школе, но и во всем, блин, городе. Ночью, ешкин кот, не могу уснуть. Лезут разные думки. Одна ужасней другой. К утру стопудово втыкаю, что если мы не свалим отсюда, то все умрем.

Только хмур и неразговорчив. Видать, Оленька отфутболила его снова. И наш вчерашний базар он точняк считает бредятиной. Но перед уроком физики пацан чуток оживляется. Ведь разведка важнее любви, ешкин кот. Учитель, короче, опаздывает минут на пять. И ребята колбасятся, кто как может, блин. Но только он появляется, я сразу догоняю – началось. Что бы это ни была за зараза, она стала действовать. Толян со значением подмигивает мне и шипит: «Охренеть! Ты, по ходу, прав, пацан!».

Всегда вылизанный и аккуратненький физик по прозвищу «Листик» сегодня просто неузнаваем. Землистая небритая рожа, темные очки, всклокоченные волосы. Мятый грязный костюм наводит на мысль, что препод валялся в канаве не один час. А еще он отвратительно, дурно пахнет. Клево. Вообще, чуханский запах и Листик – несовместимо в принципе. Наш преподаватель, несмотря на то, что очкарик и дохляк, мечта любой девахи из этого занюханного города. Сейчас же на него даже смотреть ссыкотно. И, по ходу, страшно. И его шибзданутый видон тут натурально ни при чем.

Листик тащится, волоча ноги, к своему столу. Что-то бурчит. Влезает на стул. Раскрывает журнал. В классе наступает тишина, ядрена вошь. Видимо, охренели не только мы с Толяном.

Первым вызывают Петрова. Пока парень вяло мямлит параграф, Листик обводит класс черными дырами очков. При тормаживая чуток на каждом. Вот и моя очередь, ядрена вошь. Внутри сразу замирает. Говняно как, блин. Ведь я натурально зассал, ешкин кот. Да иди ты нахрен, придурок! Наклоняюсь к парте. Пусть, короче, пялится на кого другого.

– Садись, Петров, «Три». А к доске у нас пойдет... а пойдет у нас... Трофимова!

Бедная Трофимова краснеет. Ежится. Но покорно чапает на расправу. Встает, короче, подальше, сморщив симпотный носик. И со вздохом рассказывает. А черные окуляры препода, по мере изложения чудных законов физики, все больше

разворачиваются к девчонке. Потом рот Листика начинает двигаться, типа он что-то жует. Губы вытягиваются и тихо свистят. Трофимова вздрагивает. Шепчет «мамоньки» и малехо отступает.

И тут чувак стремительно бросается к Таньке. Она откидывается назад. Шарит рукой по доске. А в следующую секунду уже и нет никакой Трофимовой. Какое-то мерзкое дерьмо целиком поглощает ее. Тянет жутким запахом. На миг все в натуре столбенеют. Потом вопят, не лучше придурков, и кидаются вон. У дверей свалка. Два пацана сигают из окон, ништяк этаж – второй. Я тоже бегу, кричу, толкаюсь. И выбираюсь из школы порядком помятый и побитый. Но живой. Спикировав на повороте в сугроб, пытаюсь отдышаться. Слизываю с губ налипший снег. Вкус талой воды, понял? Поднимаюсь. Несусь дальше, трясясь и икая.

Как, ядрена вошь, оказывается, бывает страшно. Так страшно, что весь мир, по ходу, умирает и вместо него рождается другой. Не просекающий жалости и чего-то там еще. Блин, даже слов нет. И в этом гребаном мире я не хожу в школу, не общаюсь с друзьями, нигде не бываю. Все сижу, как недоделанный, дома и почти не шухерюсь отца. Когда он наезжает на меня, я посылаю его нахрен. С удивлением слыша свой переходящий на визг голос. Синяки и ссадины после этого заживают плохо, но мне плевать. По ходу, мне плевать даже на мать. Хотя нет, гоню. Это неправда.

Но помалеху обычное начинает просачиваться. Потихонь-

ку втыкаю, что почему-то измучилась мама. А отец уже все не такой крутой перец, каким казался раньше. Проявляются телефонные звонки. И я узнаю от Тольки, что школу, в натуре, закрыли на карантин. А Листика с Трофимовой никто больше так и не видел. Клево? Дружбан подолгу болтает в трубку, и мне легчает. По ходу, выздоравливаю. Наверное.

А потом Толян исчезает. И я снова проваливаюсь в липкий страх. Дергаюсь, как припадочный, от ожидания и неизвестности. Дома у него все время молчок. Длинные гудки, ешкин кот. Хреново, по любому. По ходу, встряли до самого конца. Но корешей ведь так просто не бросают. Точно?

В их подъезде тишина. Лампочки разбиты. Никого вокруг. Подползаю к Толькиной двери. Прикладываю ухо к холодному дерматину – ни звука. Жму кнопку звонка. Он глухо и мертво тренькает там. Типа в пустоту. Короче, переступаю с ноги на ногу, собираюсь уйти. Ведь яснее некуда. И тут слышится какая-то хрень. По ходу, волокут тяжелую шнягу. Это внутри, блин. Потом кто-то типа царапается. И дребезжащий голос Толяниной бабуси допытывает:

– Кто это? Кто?

Замираю. Проглатываю какую-то дрянь в горле.

– Таисия Мефодьевна, это Сережа. Толя дома?

– Сережа? – неожиданно взывают там, переходя на рычание. Тяжкие удары сотрясают дверь. Типа существо не догоняет, как открыть замки.

Спина тут же взмокает. Взвизгиваю и бросаюсь вниз. Тря-

сутся руки. Блин, блин, блин! По ходу, Тольки в натуре нет в живых. Охренеть. Несусь по улице, стараясь не хряпнуться в сугроб. И одна и та же мысль буравит бедную башку: «Опасность! Опасность! Опасность, твою мать!». Теперь я стопудово просек, что любой чел из нашего города по любому превратится в такого монстра. Это случится с каждым. Завтра, через месяц, но с каждым. Надо валить отсюда, ешкин кот! Срочно. Чем раньше уберешься, тем лучше. Здесь не выжить по любому. По ходу, дерьмо двинется дальше, ага. Но эти заморочки после. Щас, блин, не время. Только бы убедить родоков. Только бы папаня не начал выкобениваться, как обычно.

Остаток дня торчу в своей комнате, напендюрив аж два свитера. Дико холодно, ешкин кот. Колбашусь в тупые догонялки, чтобы не думать. За окном темнеет. И мне становится совсем хреново. Уже насрать, монстры, не монстры. Видать, про это и есть слово «безысходность». Когда наконец в замке начинает возиться ключ, пригибаюсь к столу. Почти не дышу. Ништяк, это маманя. Клево. Настоящая, живая. И я рад ей, как салага.

Батя появляется поздно. Бурчит, что по ходу заболел, и сразу сваливает в их комнату. Ну, и хрен с ним. Круто, что я по любому не один. Одному, все-таки, сильно ссыкотно. Вот ведь дожил, блин. Так ждать прихода предков, опупеть просто! Мы с мамой ужинаем, пьем чай с пряниками. Потом она вздыхает. И встает узнать, чего там с отцом стряслось

на самом деле. Ага. Кручусь по кухне, уходить совсем влом. Тепло, светло, спокойно. За стенкой улавливаются приглушенные голоса. Ругаются, что ли?

И тут до меня допирает. Ведь раньше батя никогда не отказывался есть. Он еще тот чувак, пожрать – одно из его любимых занятий. Внутри противно холодеет. Шаги. Скрипит дверь. Входит мама. Ништяк. У нее дергается щека. Может, все-таки, просто поцапались? Они ведь это любят.

– Не пойму, что с ним не так... Но, правда, непонятно. Он вроде болен, а вызвать врача не хочет. Представляешь, сказал, чтобы я засунула градусник в жопу и валила. Сережа, он назвал меня сукой! Ничего не понимаю...

В груди что-то обрывается.

– Мама, вызывай ментов, скорую! Скорее, блин! Вызывай, ешкин кот, кого хочешь! Надо, чтобы его забрали нахрен отсюда! Слышишь?

Бросаюсь в коридор, кусая пальцы. Но там стоит этот. Рот серая, ввалившиеся глаза ярко блестят.

– Это что еще за ядрена вошь, сына? Что за вырепень, блин? В чем, нахрен, дело? Ты, типа, решил, я сбрендил?

Он хлопает меня по плечу. А я не успеваю отшатнуться. Ну, ништяк, рука вроде теплая. Но во рту все равно становится говняно. От страха, по ходу. Вперяюсь в его физию. Ведь точно так можно как-то уловить превращение. По любому.

Неожиданно он сильным движением обхватывает меня.

– Серега, ну ты что, блин? Чего, ядрена вошь, за ералаш? Мать хахаля, типа, завела?

Он хмыкает и слегонца меня отталкивает. Блин, это натурально батя. Такой же, как всегда. По ходу, у него просто температура. Вон как колбасит. Ну и что? Заболеть, типа, нельзя?

– Папаня, давай уедем! Завтра же! Мне так страшно, блин, ты даже не въезжаешь, как. Прикинь, люди превращаются в монстров. Мне стремно подыхать, папаня!

Рыдания сдавливают горло, как у педрилы. Но мне насрать. Надо, чтобы он согласился. По любому, ешкин кот. Батя медлит, разглядывая меня. А потом начинает ржать. Выдыхая вчерашним перегаром и чем-то еще. Блин, что-то не то, нахрен. Ага? И только поздно вечером, в постели, я догоняю, что мой папка так не смеялся никогда. Ядрена вошь! Мысль вонзается не хуже финки. Мигом подсказываю и прислушиваюсь. Ничего, только обычные шорохи. Поджимая босые ноги, кидаюсь к двери. Пока тихо, ешкин кот. По ходу, у меня есть время. Ништяк. Стаскиваю, короче, к порогу все, что могу. Страшно, блин, до ужаса.

Твою мать. Бедная мама. Вот ведь ералаш гребаный! По любому шас ее еще можно выручить. Сделать хоть что-нибудь. Но куда ж мне, ешкин кот, рыпаться против этой твари поганой. Да, блин, да! Я – трус. Но я жить хочу, слышите вы все?

Тихонько подвывая, противный самому себе, забиваюсь

в самый темный угол комнаты. Громко тикают часы. К моей двери никто не подходит. Не пытается ее открыть. И не интересуется, что за ядрена вошь. Видать, гадине хватает человека за раз. Короче, по любому, я еще в безопасности. Сижу час, два, хрен знает сколько. Потом, окончательно задрогнув, посылаю всех нахрен. Беру одеяло, подушку и припиркиваюсь в углу. Так мне спокойнее.

Очухиваюсь, когда солнце ярко пендюрит в окно. Уже день. Снаружи, ешкин кот, ни звука. Клево. Быстро одеваюсь, тыкаясь в рукава и штанины. Не хило бы смотаться на разведку. По любому. Не торчать же тут без жрачки и воды. Но просто так двигать нельзя. Нужно что-нибудь типа оружия. Ага. А вокруг, блин, обычные вещи. Зато есть табурет с железными ножками. Короче, по ходу, сойдет на первый раз. За стенами все так же тихо. Ништяк. Разбираю завал. Хватаю предметину ножками вперед и слегонца открываю дверь. Никого. Только темный пустой коридор. Чапаю помалеху. Весь на стреме, готовый при любом шорохе кинуться назад. На полу, ешкин кот, разбросана одежда. Пальто, куртки. Видать, выброшены из шкафа. В ванной жарит лампочка. В кухне капает вода. Это все. Больше ничего. Ага, щас надо действовать мигом. Врубаю свет в коридоре и туалете. Дергаю двери. Пусто. Клево. Чуток выждать, и метнуться в кухню. Уф, и здесь я один. Круто. Уже спокойно закручиваю кран, отдираю кусман хлеба. Жуя, перебираю ножи в столе. По любому ништяк самый большой. Потом, малень-

ко шухеряюсь, тащусь в туалет. По ходу, в квартире, кроме меня, ни души. Короче, не проверенной остается только комната предков. Но это напоследок, пацан.

Блокирую стулом дверь кухни. Разогреваю суп и с жадностью ем. Не хило бы запастись жратвой, пока не поздно. Ага. Нарезаю, короче, бутики. Наливаю в термос чай. Волоку все это к себе. Ништяк. Все дела, по ходу, зарезонены. Пора и родоков пощупать. А чего? Ссышь, что ли? Придется, недоумок. Ты ведь сечешь, что тишина ничего не значит? Молчишь? Ну да, пацан. Только я, видать, не такой крутой, как ты.

Интересно, кто-нибудь в курсе, что базары с самим собой клево успокаивают? Умора, блин. Короче, схвативши табуретку и нож, толкаю дверь в комнату родичей. Она ни на чуток. Двигаю сильнее. Никак. Выругавшись, пендюрю со всей дури. И вдруг, чуть не хряпнувшись, вылетаю на середину.

Прям на меня, в упор, неживым остановившимся взглядом зырит маманя. Спотыкаюсь. Охренеть!! Взвизгиваю. Ноль реакции. Смотрю вниз и с ужасом догоняю, что грудь без защиты. Ешкин кот. Выставляю нож, поднимаю табурет.

– Мама! Что, блин, случилось?

Она не отвечает, выперившись перед собой. Круто. Ядрена вошь, что она там увидала-то, нахрен? Гляжу, гляжу и тоже помалеху впадаю в ступор. Не двигается никто. Совсем, по ходу, говняно. Лицо у нее белое. Скрюченные руки поверх простыни. Одно плечо вверх. Как скелет, по ходу. За од-

ну ночь, ядрена вошь. Жалость захлестывает меня. Жалость и бессильная ненависть. Перекладываю нож в левую ладонь. Осторожно вытягиваю правую и легонько глажу ступню под одеялом.

Рывок. Удар. И я уже на полу, придавленный тяжелой тушей. В ушах отвратительное рычание. Мертвенные глаза твари совсем рядом.

Отчаяние. И смерть, вот она.

– Мама, мама! Где же ты, мама?

Что-то меняется в рыле гадины. Судорога искажает его. Губы шевелятся.

– Сынок... сыночек мой...

Хватка ослабевает. Лишь бы выбраться из гибельных объятий! Ну, пожалуйста, нахрен. Дергаюсь, всхлипываю и вырываюсь. Тварь лежит, распластанная, на полу. Блин, блин! Ее тело бьется, как у припадочной. Меня тоже колотит. Не хватает воздуха. Сваливать, пацан, нужно, слышишь? Глубоко вздыхаю несколько раз. Цепляю табуретку, отлетевшую к стене. И делаю ноги. Жалко нож, но его уже не забрать. Он совсем рядом с этой. С мразью гребаной.

Ага. Круто. Жив. А что же дальше, ядрена вошь? Как выманить гадину из хаты? Пока она здесь, я мертвяк. Без вариантов, ешкин кот. Думай, думай, придурок хренов! Ворочай мозгами, блин. Можно типа распендюрить входную дверь и положить у порога приманку. Ну, клево. Только что там оставить-то? Кусок мяса, что ли? Ништяк. И не хило бы

еще обзавестись припасами и новым оружием. Заметано. На кухне беру другой нож. Еще меньше и бесполезнее, чем прежний. Перетаскиваю к себе жарку, чайник, воду в банках. Потом крадусь в коридор. Ешкин кот, входная дверь не на замке! Вот я лошара! Надо было раньше проверить, дебил. Щас-то поздняк метаться. Отвали, понял? Не до тебя. Распахиваю дверь настежь. Кладу на площадку мясо из холодильника. Клево. Короче, одно дело сделано. Снова чапаю в свою комнату. Остается только ждать.

Проходит несколько часов. Ничего не меняется. Только стрелки движутся. В натуре подыхаю от безделья. Все это порядком выматывает, да, пацан? И вообще, может, надо самому сматываться, а не торчать тут, хрен знает зачем? Если завалит куча гадин, то мне по любому крындец. А помирать как-то неохота. По ходу, после укуса твари, чел точно превращается в такую же дрянь. Не сразу, конечно. Иначе этого ублюдка с видоном папани никто бы сюда не пустил. Отстой, короче, полный. Еще ништяк, что в меня не вцепились. А то не было бы тут щас Сереги Черемухина. Копыта бы он откинул. Понял? И в его теле колбасилась бы гадина. Клево?

За стеной резкий звук. Началось? Ушки на макушке, блин. В родительской комнате по любому что-то упало. Завозилось. Пауза. Потом тяжелые, волочащиеся шаги в коридоре. Останавливаются. Как по правде вижу, тварь стоит, принохивается, решает, сволочь, куда ей двинануть. Сердце, ешкин кот, здорово колотится. Увел бы ее кто-нибудь по-

дальше. В натуре, а? Щас, блин. Держи карман шире! По ходу, не помогает ни мясо, ни хрен знает кто. Уродина шаркает напрямик к моей двери. Торкается, дергает. А дальше сладенько просит открыть мамочке. Ведь мамочка принесла Сереженьке что-то вкусненькое. Вот мразь поганая! По телу проходит дрожь. Представляю, блин, кто щас там торчит за тонкой перегородкой. Убирайся вон, гадина, убирайся. Но сам сижу тихонько-тихонько, боясь пошевелиться. Впустую, ядрена вошь. Ручка вращается сильнее, слышатся глухие удары. Маманин голос переходит в рычание. И уже не разобрать слов. В комнату просто ломаются.

Лоб и ладони вспотели. Вдруг догоняю, что еще минута, и все будет кончено. Твою мать! В отчаянии рву окно. Вмиг ветер в рожу, осыпает снежной пылью. А возня у двери внешне прекращается. Гадина, по ходу, шкрябает к выходу. Переваливает через порог и тащится вниз. В спешке, задыхаясь, ломая ногти, разгребаю свою заграду. Выскакиваю, бросаюсь к двери. И хряпаюсь. Блин, ядрена вошь! Поскользнулся на маманиной косынке. Твою мать! Взыв от досады, быстро встаю. Захлопываю дверь, замок, засов, еще замок. И только потом перевожу дыхание. Ржу, как чокнутый. Еще отсрочка. Я жив!

Внизу крик, эхом проносящийся по подъезду. По ходу, охота вышла успешной, блин. Желаю жертве мигот откинуть копыта. Другой помощи у меня нет. В натуре. Ложусь, закрываю глаза. Пацан, слышь, не хило бы порешать, что де-

лать дальше. Нужно учесывать. Как можно скорее, ешкин кот. Нам здорово повезет, если ходит поезд. Пешком не выбраться. По любому.

По лестнице тащат тяжелый мешок. В башке ералаш, я почти отрубился. Пинки в дверь. Глухое ворчание, сменяющееся визгом. «Мамаша» точняк решила перекусить у себя. Или припрятать жратву на будущее. Соорудить, блин, запасик. Удары снова и снова. Тварь по любому не догоняет, почему не попасть в квартиру. Блин, и еще этот вой! Натурально окосеешь. Прикинь, ведь вчера гадина была моей матерью. А щас маманя где? Ну, вот где, а, пацан? Нету ее нигде, понял? И не будет! Заткни, короче, пасть. Хватит киснуть. Тоже мне нашелся неженка, ядрена вошь.

Очухиваюсь, когда уже темно. Свет фонаря елозит по роже. Поди, он и разбудил. Вокруг тихо. Во всем доме тоже ни звука. Поднимаюсь, стараясь двигаться бесшумно и мягко. Прокрадываюсь к входной двери, резким движением врубая свет по пути. Никого, засовы тоже не тронуты. Окончательно продираю zenки. Ну чего, пока все ништяк. Нехотя доедаю вчерашний суп. Потом от нечего делать верчусь на стуле, болтая ногами. Устал я бояться, пацан. По ходу, пофигизм пошел. Отстой, короче, какой-то, блин. Встаю и таскаюсь по хате, совсем не при делах. Заруливаю в комнату родоков. Ну, тут почти ничего не изменилось с позавчера. Включаю телек. Щелкаю каналы. Ядрена вошь, ни одна программа не в курсе наших событий.

Вообще без понятия, чем заняться. Досуг, туда его расту-
да. Ты, пацан, короче, задумывался, что случится, когда тва-
ри прикончат всех людей? Вот что они будут делать? Жрать
друг друга? Чет я сильно в этом сомневаюсь. А ты? Ну, и я
тоже. Га-га. Сами помирать, что ли, будут? И откуда они,
блин, выпали? Вот вопросец на сто баксов, да, пацан? То ли
выпустил кто. То ли сами приклепали из задницы какой. Ну,
типа с другой планеты. Вариантов, по ходу, много. Короче,
одни заморочки. Вот если бы бомбой по ним шарахнуть, а?
Или взвод терминаторов напустить. Круто? Было бы класс-
ное рубилово. Ты чего молчишь-то? Опять отключаешься,
блин?

В дверь бьются настойчиво и сильно. Низкое рычание
и высокий визг вгрызаются в уши. Нестройный вой с улицы
поддерживает эту хренотень. В скважине замка ворочается
ключ. Ага, они еще не разучились им пользоваться. Ништяк,
что я все заблокировал. Дверь можно выломать, но не от-
крыть. «Папа» и «мама» вернулись домой. Га-га! В общем,
было бы круче всего, если бы их память отрубилась. Тогда
они по любому забудут дорогу сюда. А вот как по правде, я
без понятия. Долбят и долбят, ешкин кот. О чем-то ба-
зарят. Задрали! Блин, по ходу лучше забить на все и снова
завалиться спать. А, пацан? Ну, клево.

Просыпаюсь. Светит солнце, прикинь. Сначала не просе-
каю, чего так хреново. Ослабел, что ли, пацан? Разнюнился
во сне? Мамку вспомнил? А вот тебе реальность, недоумок

чертов! Сильнее надо быть, короче. Типа мужественнее. Ты ведь хочешь выжить, пацан? Ну, так давай, шевелись, ешкин кот. Смотайся в город. Проверь, что и как. Надыбай, блин, продуктов. В натуре. Хрен знает, сколько здесь еще париться. Давай, давай, пошел!

Долго одеваюсь. Беру нож, брошенный в комнате родителей, сумку для продуктов. Зашнуровывая ботинки, вдруг допираю, что делаю это уже минут десять. Клево. Видать, совсем запаadlo выдвигаться. Здесь-то, ешкин кот, более-менее безопасно. Ну, ладно, ядрена вошь. Отодвигаю засов. Открываю замки. За дверью никого. Но пол прям скользкий от какой-то дряни. Как бы не хряпнуться. Потом хрен отмоешься, блин. А железная обивка двери, прикинь, в рваных царапинах и вмятинах. Все-таки круто, что вчера я сумел выжить.

В стекла на площадке пендюрит ослепительный свет. Типа ничего не случилось, ага? А в натуре-то, даже думать страшно. Короче, чапаю на первый этаж. Готовый, чуть что, сразу броситься обратно. Ништяк. Тихонько выскальзываю наружу. Притормаживаю и зыркаю по сторонам. На улице пусто. Только поодаль ковыляет старикан с палкой. Короче, двигаю к магазину. Там, кроме продавца, тусят еще два чувака. И все цепко оглядывают меня снизу доверху. Точняк, встречались с тварями. По любому. Один из мужиков засовывает руку в карман телаги. И чем-то там вертит. Ага, типа не безоружный. Да и я, блин, тоже. Втыкаешь?

Возвращаюсь той же дорогой. Никого из гадин не засекаю. По ходу, днем они охотятся только в одиночку. А вот ночью колбасятся в стаях. Хрен знает, правда ли это. Но по любому надо всегда приходить засветло. Короче, добираюсь без приключений. Складываю продукты в холодильник. Сажусь в кресло, крутя в пальцах игру. Только теперь лучшеет внутри, пацан. В натуре. Отрываюсь до сумерек. Время от времени посматриваю на улицу. Там почти нет народу. И в домах дохрена темных окон. Но фонари все-таки зажигаются. По ходу, город еще живет, ешкин кот. Может, у меня тоже есть надежда?

Тося

Колупаю обивку не очень чистого сидения. Сколько людей протирало здесь задницы и спины до меня. И сколько еще будет. Когда нечем заняться, приходят разные мысли, которых совсем не ждешь. Они медлительны и ядовиты. Как отравы, действующая не сразу, но безотказно. Жесть. Что же делать, если не устраивает то, чем приходится заниматься? Я имею в виду не работу за деньги, а службу у существ, незримо присутствующих в жизни землян черт знает сколько лет. Окей. Именно они объединили в замкнутую группу разных чудиков. Тех, кто может, например, летать. Или предметы двигать. Или еще что-то в этом роде. Наставники мастаки определять таких людей. И обещать им с три короба – тоже. Когда вешают лапшу о твоём персональном участии в судьбах вселенной, крышу сносит капитально. Отказаться невозможно. Хе-хе. Вот не смогла и я. Но время, блин, идет. Начинаешь разбираться во многих вещах. И даже смотреть на них по-другому. Короче, взрослеешь, набираешься ума-разума. И такой тухлой бредятиной, оказывается, несет от большинства идей, что просто зашибись.

Конечно же, я пыталась узнать или хотя бы понять, что представляют собой эти создания – то ли учителя, то ли хозяева, а может, и сердобольные прохожие. Да только похвастаться, нафиг, нечем. Таковую скрытность еще поискать,

блин. Хе-хе. А стопроцентно известно следующее. Пришли издалека, это раз. Утверждают, что несут добро – два. Крайне текучи – три. Оп-ля, любая форма и размеры только у нас! Не падайте, если с вами заговорит ваш же стул или соседская кошка. Ничего невозможного нет. Каждый наставник торчит в нашем мире как сознание. Которое может внедрить в любое существо или предмет. Жесть. А если надо, то и создаст под себя, все, что угодно. Я просто фигею от них, если честно.

Елки, елки проплывают за окном. Вот так и все в жизни проходит мимо, мимо. Блин. Странные штуки проявились во мне давно. На излете, короче, детства. А началось все со смертельной, как казалось тогда, ссоры с родителями. Ржача. Послав всех подальше, я закрылась в своей комнате. Замкнула дверь ножкой стула. И от всей души, со всей яростью пожелала очутиться где-нибудь подальше. Хе-хе... Желание не преминуло осуществиться. Хотя и не совсем так, как загадывалось. Верно? Меня, конечно же, никуда не перекинуло. Зато перед выпученными моими глазами возникло светящееся окно. С неровными такими, будто плывущими краями. Черт. Короче, заорала я как резаная. От ужаса, официальности и собственного кретинизма. Мама утверждала, что вопли слышал весь город. Хе-хе. Думаю, она преувеличивала. А вот родители уловили точно. Благо тоже торчали дома. И, короче, давай кричать, долбиться. Требовать впустить. Ржача. Я же словно окаменела. Сидела себе на корточ-

ках в углу, как коматозник. И не смела даже вякнуть. Какое там пошевелиться. В общем, когда отец выбил дверь, ничего волшебного в комнате уже не было.

Меня отпаивали, блин. Растирали. Хлопали по щекам. Реально. Но поверить не сумели. И закончилось все это, на самом деле, печально. Ведь я наотрез отказалась признать свое чудо выдумкой. Чем окончательно вывела отца из себя. Окей. Всыпал он мне тогда по самое первое число. Чтобы, короче, впредь не придуривалась. Не помогли ни слезы, ни завывания. И задница потом болела долго. Хе-хе. Зато урок не пропал даром. Чего уж. Верно? С тех пор родители вообще мало что обо мне знали.

Вот с такого неприятного случая и начались путешествия в другие пространства. И сначала все выглядело дико интересным. Настолько, что бывшие друзья реально оказались за бортом. Причем со всеми своими дурацкими и ничтожными предпочтениями. Что они могли знать о мире, блин? Болваны! Озабоченные только тем, какое впечатление производят на окружающих. Задолбанные разгулявшимися гормонами да собственным положением в стае. Прыщавые, дурно пахнущие и мнительные. Зашибись. Мы стали совершенно разными. Ведь передо мной-то открывалась целая вселенная. Хе-хе. Но именно тогда меня впервые посетило настоящее одиночество. Реально. Ведь никому ни о чем рассказать было нельзя. Верно?

А немного позже появилась еще проблемка. На которую

какое-то время я забивала. В общем, мне никогда не было заранее известно, куда попаду. Ясно, что требовалась какая-то предварительная настройка. Но как ее сделать? А? Вот то-то же, блин. Меня выкидывало в самые невообразимые миры. Причем совсем не те, которые я представляла. Хе-хе. И чем дальше, тем хуже. Страшнее и страшнее. Омерзительнее и омерзительнее. Жесть. Короче, щепка, гонимая волной, оторванный ветром лист. Блин. И однажды я просто поняла, что когда-нибудь вернуться не смогу. Чисто физически. Окей. Тогда пришлось остановиться. Чтобы не сдохнуть. Попытаться, короче, стать нормальным человеком. Ржача, конечно. Ну, и учебу надо было как-то заканчивать. Реально. И можно сказать, у меня почти получилось. Остались всякие сны да закидоны. Вроде того, что идешь такая, и вдруг бац! Ткань пространства рядом с тобой истончается. Тронь, и прорвется. Круто? Но, в общем, я завязала со всеми экспериментами. Стала больше времени проводить со сверстниками. Даже в обычную жизнь втянулась. Как это ни странно выглядит, нафиг.

И тут-то, блин, выпали наставники. Хе-хе. Удивительные создания. Лучистые и совершенно не страшные. И до того прикольные в общении, что даже сравнить не с чем. Короче, оказалось совсем нетрудно убедить меня работать с ними. Помогать, в общем, в некоторых их делах. И случилось это уже давно. Вот с тех пор мы и колбасимся вместе. Но то, что мне приходится наблюдать, не фонтан, если честно. Ведь они

не останавливаются ни перед чем, чтобы привлечь нужного человека. Или выполнить задачу, которая представляется им необходимой. Реально ни перед чем. Наверное, именно это называется целеустремленностью. Верно? Окей. Но разве это нормально? Должны же быть какие-то рамки. Ну, моральные нормы. Иначе остается только право сильнейшего. А так неправильно, черт возьми. И еще. Наставники нечестны в делах. Ну, это отдельный разговор. Фиг с ним.

Короче, меня они используют для закрытия проемов. Открытых случайно или по злему умыслу. На самом деле, деятельность крайне важная для поддержания границ и чистоты нашего мира. Хе-хе. Ведь он должен оставаться цельным. Лишенным, в общем, влияния чужих элементов. Реально. Все это так, но я не могу избавиться от ощущения, что знаю лишь крохотную часть правды. Блин, а что скрыто в основной части долбанного айсберга, а? Может, такое, что эта их правда и не нужна вовсе. Верно? Жесть, короче. Башка пухнет.

А еще я, как правило, одна. И причинка здесь даже не в моей тайной работе. Хотя, конечно, переезжаю довольно часто. Просто для установления и поддержания хороших отношений нужно прикладывать усилия. А это напряжно. Ну, и до кучи, получать всегда хочется больше, чем можешь дать сама. Верно? Поэтому окружают меня не друзья, а случайные, нафиг, знакомые. Вот так, зараза. Невеселые мысли, короче.

Трясусь в этом пропахшем вагоне, как маромойка. Будто и делать больше нечего. Зашибись. Куратор выдал задание всего пару дней назад. Проинформировал, что имеет место истечение темной энергии. Которое нарушает, блин, баланс сил в данной, нафиг, части пространства. Круто? И не где-нибудь эта мутотень происходит, а в некотором богом забытом городишке. Ну, конечно, а как еще-то? Хе-хе. В дыре под гордым названием «Залучинск Уруганского района». Это ведь тебе не баран чихнул. Понятно? Тоска, короче, зеленая. Думаю, придется дольше добираться, чем работать. Поди, двадохлых дома с пятью хмырями. За день все расколбасить можно. Реально. Нашел, гадство, зачем отрывать от зашибенских моих занятий дворника. Скребла я себе двор и размышляла о судьбах вселенной. Прикольно. Мне в принципе очень даже нравилось. Особенно после преподавания математики в школе. Хе-хе. Все-таки дети – такие придурки! Передушила бы собственными руками. А сейчас и из дворников пришлось сваливать. И скрытые цели мироздания оказались в полном пролете. Жесть.

Короче, еду в этот Задрючинск, хе-хе. В плацкарте дофига народу, большая часть – студенты. Кемарю, прикрываясь книгой. Избегаю, так сказать, любопытных взглядов. Похоже, тут практически все знают друг друга. Офигеть. Моя же моська им незнакома. Но внешность у меня, слава богу, непримечательная. А посему интереса у окружающих не вызывает. Окей. Что, собственно, и требуется. При случае

они и не вспомнят обо мне. В общем, наостряю уши и слушаю, кто о чем говорит. Понятно, что еще до прибытия нужна какая никакая предварительная информация. А, выходит, в городе явно не все в порядке. Реально. Треплются о странной болезни, гребанной администрации, ну, и беспокоятся о родных и близких. Вот зерна, блин, отделенные от плевел. Больше почерпнуть не удастся ничего. Жаль. Пока, нафиг, не понять, насколько серьезна ситуация.

Качаю ногой, смотрю в окно на заснеженный лес. И почти отрубаясь. Продираю слипающиеся глаза – все те же белые деревья, гул голосов, бряканье колес. Скучно. Мимо кто-то проходит, где-то смеются, что-то обсуждают. В вагоне стоит крепкий дух давно не проветриваемого помещения, забитого изо дня в день людьми. Жесть. Темнеет. А поезд все идет и идет. И путь кажется бесконечным. Стук выскользнувшей из пальцев книги пугает. Блин, наверное, задремала. Два парня напротив исподтишка ржут надо мной. Зашибись, как весело. Чего такого-то, нафиг? Щурюсь и пытаюсь сосредоточиться.

Сколько еще ехать, гадство? Вот ведь послали в захолустье. Сами туда бы и ехали. А у меня уже просто плоскожопие какое-то. Реально. Без конца ерзаю на жестком сидении, хочется размяться. По вагону, что ли, погонять? Глупее не придумаешь, нафиг. Все же топаю в тамбур. Вглядываюсь в сумерки за стеклом, провожаю глазами редкие огни. Ну, все к черту! Ага, до кучи вваливается пьяная компания с на-

мерением покурить. Офигеть, как интересно. Короче, приходится пендюрить обратно. Покрутившись туда-сюда, усаживаюсь на место. И когда же тягомотина эта закончится? Перелистываю страницы книги, не понимая ничего. Вялые мысли о бесконечности дороги перетекают в звенящую пустоту. Тяжелеют ноги, руки, веки закрываются сами собой. Незаметно проваливаюсь в сон.

Будит толчок поезда. А оживление аборигенов ясно говорит, что мы наконец прибыли. Зашибись. Кидаю в сумку свой потрепанный томик. Торопясь, одеваюсь. Почему-то боюсь остаться последней в быстро пустеющем вагоне. Реально. Идвигаю к выходу. Перрон где-то совсем внизу. Прикольно. Прыгать, что ли? А мимо бегут, сталкиваясь и ругаясь, пассажиры. Хе-хе. Чего они так волнуются-то? Такое впечатление, что спешат в одну, не видимую мне пока, точку. Ржача. Короче, сползаю, как могу. И плетусь вдоль маленького занесенного снегом вокзала. Поворачиваю за угол и неожиданно выруливаю на площадь, окруженную лесом. Круть офигенная. Красиво-то как, блин.

С визгом захлопываются дверцы последнего автобуса, и он, кренясь, отчаливает. Понятно. Вот куда торопились все эти чуваки. Вдыхаю морозный воздух, полный сухих снежинок. Да, заросли вокруг, конечно, выглядят мрачными. Но дело, однозначно, не в них. Что-то тут реально не так. Короче, наставник был, наверное, прав. Похоже на присутствие дыры с черной энергией. Выблевывающей гнусное дерьмо

в окружающее пространство. Жесть. Правда, где эта пакость, пока не пойму. Ну, и фиг с ней. С наскака такие дела никогда не решаются. Окей. Плохо то, что поток почему-то набирает силу. Будто плотину прорывает, блин. Короче, получается, если его быстренько не заткнуть, он хлынет дальше. Офигеть, как позитивно. Верно? Окей. Хотя торопиться с выводами все-таки не стоит. Тем не менее, интересно, сколько времени у меня еще есть? Ясно, что сдерживающим фактором здесь выступает тайга, простирающаяся вокруг на многие километры. Но как долго? Надеюсь, блин, до завтра этот мир не рухнет, хе-хе. Хотелось бы выспаться, отдохнуть после дальней дороги. Реально. Ну, чего? Вечер поздний. Город незнакомый. Малолюдный, опять же. Отмаза ведь есть всегда. Верно? Окей. Вглядываюсь в темноту, переключаясь на энергетическое видение. Вот, блин, и маячок, оставленный для меня коллегой. Именно там находится экранированное убежище. Берлога, где я буду жить, пока не закрою проем. Надеюсь, все это не затянется. Ведь вязнуть в глуши совсем неохота, хе-хе.

Крайне суперски тащиться глухой ночью по сугробам. Да по незнакомой местности. Да волоча за собой тяжелую сумку. Офигеть, как здорово. Просто получаю от жизни все удовольствия сразу. Зашибись. А впереди внезапно мелькает скрюченная тень. Стремительно уходя в сторону. Почти сразу за спиной рык. Ну, нифига себе подарочки! Оступаюсь, гадство, и чуть не падаю. Защитное поле автоматически уве-

личивается до метра. Спасибо ему, конечно. Но какого черта? Обычно любое живое существо инстинктивно чувствует, что со мной лучше не связываться. И держится подальше. А это нечто выпало, блин! Зараза. Ага, понятно, у него просто зажигание позднее. Вот, уже сваливает. Ну, давай, гребь. Туда тебе и дорога. А вдалеке до кучи вдруг проступает вой, чем-то напоминающий волчий. Жесть. Тру vareжкой замерзший нос. Ну, мутотень! Я ведь почти испугалась. Кто же это пытался напасть-то на меня? Не человек. И, вроде, не зверь. Здоровый, блин, какой. Короче, надо двигать быстрее к дому. Только приключений мне сегодня и не хватает, нафиг.

Нет, а все же, что ж это за создание такое было? А? Поди, связано с проемом. Не иначе. Вот так встреча. Ускоряю шаги. Реально не по себе. Зараза. Черный поток вполне может вызывать трансформацию. Подобное случалось. Или же сквозь дыру проникают некие существа. С неизвестной пока целью. Офигеть, только приехала, и сразу попало это чудо-юдо. Прямо как знак какой-то. Только не понять, какой. Хе-хе.

Стараюсь быстрее шевелить ногами. Идти уже недолго. Короче, семь минут, и я у цели. Нормально. Нужный дом ничем не выделяется в ряду остальных. Так надо. Двери подъезда приветливо распахнуты. Но внутри темнота. Под ботинками неприятно скрипит битое стекло. Поднимаю голову вверх. Ага, все лампочки разбиты. Видимо, чтобы жить было интереснее. Пока до квартиры доберешься, столько всего

занятого испытываешь, блин. Верно? А вот и моя дверь.

Гашу маячок. Запираюсь, проверяю общую защиту. Порядок. Теперь и отдохнуть можно. Посмотрим, что у нас тут за обстановка. Оглядываюсь, обнюхиваюсь. Окей. Ну, вроде неплохо. Удобные шкафчики, мохнатый диван с пледом. Холодильник набит едой, в ванной – свежие полотенца. Похоже, коллега предусмотрел все, чтобы мне было комфортно. Прикольно.

Раскладываю вещи, ставлю чайник и с удовольствием откидываюсь на спинку кресла, прикрывая глаза. Здорово. Все дела отложим на завтра. Сегодня законный нерабочий день. Понятно? Может, и так, но жрать хочется, черт побери. Придется вставать и делать бутерброды. А чего? Нормально. В кухне тепло, вытертый коврик щекочет босые ноги. Хе-хе. Наливаю чай, уплетаю за обе щеки нарезанные ломти. Круто. Свет лампы неясно очерчивает тени вокруг. Блин, какой покой! Всегда бы так. А после еды неминуемо клонит в сон. Короче, пора, красавица. И что-то там еще, в общем. Хе-хе. Мою посуду. Стелю постель, и ныряю под пушистое одеяло, сворачиваясь комочком. Офигеть, как здорово. Теперь спать!

Тикают часы, отмеряя время. Стрелки подходят к нужным делениям. Звонит будильник. Зашибись. Ну, что за непраха? Даже не подрыхнуть в свое удовольствие, блин. Зевая, сажусь и пытаюсь очухаться. Черт! А это еще что такое? В груди ощутимо екает. Просыпаюсь окончательно. За-

раза. За ночь ситуация изменилась кардинально к худшему. Везде темнота. Кружится, гадство, вибрирует. Света совсем мало. Интересно, за счет чего такое стремительное падение? Странно. Короче, медлить нельзя. Ведь мне неизвестно ничего.

Вскакиваю, быстро умываюсь и поглощаю завтрак. Надо же, какая скорость развития. С ума сойти! Блин, разобраться-то я, может быть, и разберусь. А вот найти проем в такой черноте будет непросто, гадство. Выглядываю в окно. Всю ночь шел снег. Засыпаны улицы, дома, деревья. Причем следов не видно. Значит ли это что-нибудь? Фиг знает. Короче, плевать, там посмотрим. Одеваюсь и спешно выхожу. Окей.

Но на первом этаже застываю, как вкопанная. Зараза! На цементном полу широкая полоса крови, тянущаяся в подвал. Что за дерьмо, черт? Не город, а просто фильм ужасов, реально. Спокуха. Сейчас проверим. Толкаю перекошенную скрипящую дверь. Нутряной запах подземелья бьет в ноздри. Спускаюсь по ступеням, стараясь не поскользнуться. Пусто, нафиг. Нет даже крыс и кошек. Трупа тоже. Прикольно! И куда же он подевался, блин? Ведь явно произошло убийство, столько крови вытекло. Так? Вроде, да. А тело – тю-тю. Нормально. Сожрали, что ли, целиком? Окей. А разве такое бывает? Не в курсе. Может, перепрытали? Что ж это за убийца-то такой, таскает труп туда, сюда? Занимательный, блин.

Короче, прикольно. Получается, хищник подстерег жерт-

ву и убил ее. Правильно? Ну. Насытился. Это под вопросом. Окей. Затем перепрыгал. Но зачем? Чтобы не нашли. Ну. Или оставил в подвале! Так как ему было наплевать на последствия. И жертва через какое-то время оклемалась. Просекаешь? И ушла. Своим, понимаешь ли, ходом. Реально. Окей. А с чего вдруг такие интересненькие выводы? А с того, блин! Опыт, понимаешь ли. Предчувствия. Да ну? Поверь на слово. Прямо нюхом чую, не все так просто с этим трупом. Не перепрыгали его, нафиг, а произошло что-то. Окей.

Выхожу на улицу, с трудом продираясь через сугроб. Пурга, блин, была ночью, метель. Вокруг сплошная девственно чистая равнина. Нормально. Снегу выше колена. И ни тропинки, ни следочка. Зашибись. Ну, как говорится, с богом. Делаю несколько шагов и проваливаюсь по пояс. Офигительный у меня в этом Задрючинске досуг. Главное, такой разнообразный. Реально. И развлекуха-то тебе, и фитнес. Верно? Вылезаю на корячках. Ползу минут десять. Прямо как на минном поле. Пытаюсь встать. Решение неверное. Перезагрузка. Продолжаю доблестный путь на четвереньках. Не встречаю ни души. Будто вымерли все. Ах, чтоб вас! Дыхание сбивается. Капли пота ползут по вискам и замерзают на щеках. В варежки и ботинки набивается снег. Он медленно тает, стекая противными струйками. Жесть. Присаживаюсь отдохнуть. По-прежнему никого. Прикольно. Переубивали, что ли, подчистую? Неизвестно. Блин, и задницу уже

прихватило! А нефиг, короче, рассусоливать.

На самом деле, людей должно остаться достаточно много, судя по фону. Видимо, попрятались, боятся выходить. Окей. А заснеженный город вполне себе красив. Реально. Мешает только ощущение опасности и угрозы. Угу. Смотри-ка, а ведь впереди кто-то болтается. Барахтается, бедняга, как и я. Пытается, короче, двигаться. Нормально. Вот этот человек мне и нужен. Точнее, не сам он, а информация, хранящаяся в его голове. Хе-хе. С хрустом отдираю днище от наста и делаю рывок. Наверное, со стороны я проламываюсь, словно танк. Ржача. Чувак оборачивается. Вопит как резанный и пытается ускориться. Дурачок. Слава богу, это точно человек. Страх бьет из него просто фонтаном. Видимо, чего-то уже напридумывал, идиот. Хе-хе.

Блин, расстояние сокращается слишком медленно. Я уже запыхалась и устала. Еще несколько дней таких занятий, и прекрасная физическая форма будет мне обеспечена. Реально. Наконец остается метров пятнадцать до этого кадра. Окей, сойдет. Высунув язык, торможу и блокирую незнакомца. Он фигеет. Хе-хе. Теперь можно немного передохнуть. Высморгаться. Вытереть пот. Нормально. Скоро мышцы окрепнут, дух возмужает, а фигура приобретет известное изящество. Зашибись. Ну вот, ноги перестали дрожать. Окей. Глубоко втягиваю морозный воздух и, не спеша, подгребаю к аборигену. Хватаю за воротник. Поворачиваю к себе и вижу, что это мальчишка лет четырнадцати – пятнадца-

ти. Перепуганный насмерть. Ну, офигеть.

Он тут же начинает верещать. Но вдруг затыкается, вытаращив зенки. Несмело улыбается. А потом ржет. Почти беззвучно. С едва слышными подвизгиваниями. Зашибись. Свихнулся, что ли? Только этого мне и не хватало, блин. Встряхиваю пацана и сурово спрашиваю:

– В чем дело, чувак?

Без толку. Продолжает счастливо хрюкать как идиот. Встряхиваю сильнее. Ага, что-то бормочет. Не разобрать.

– Чего? Давай-ка попонятнее. Слышь, приятель?

– Живая! Блин, ядрена вошь... Живая, нахрен! Человек!

Нормально. Похоже, тяжелый случай. Таким образом я нифига из него не вытащу. Окей. Наверно, придется к себе вести. Короче, отопреем, накормим. Это ему язык-то развяжет, однозначно. А там посмотрим. Хе-хе. Крепко хватаю его за рукав и волоку. А он и не сопротивляется. Прикольно. Начинает упираться только у входа в подъезд. Что за нафиг, блин? Смотри-ка, чуть не плачет. Скулит. Зашибись.

– Нельзя! Опасно! Не надо, ешкин кот. Я жить хочу, жить.

Офигеть. Он, что, решил, его в подъезде замочат? Интересный все-таки городишко. Так много развлечений.

– Послушай, пупсик, никто и не собирается тебя убивать. Ты хоть что-нибудь понимаешь? Все будет тип-топ. Ясно? Мы идем ко мне в гости. Уж там-то тебе точно ничего не угрожает. Давай, хватит выделываться!

Блин, еще силу приходится применять. Будто мне и за-

няться нечем. Жесть. Короче, только в квартире он немного успокаивается. Заставляю его стащить одежду и вталкиваю в комнату. Хе-хе. Подросток как подросток. Не изголодавшийся, не пахнущий помойкой. Зато в глазах – тоскливость. Наверное, хлебнул бедняга лиха. Ну, окей, посмотрим, что он мне расскажет.

Мнется, неловко садится в кресло. Еще и ногти грызет. Нервничает все еще, что ли? Или боится? Нормально. Иду в кухню, ставлю чайник. Делаю бутерброды. Пора, кстати, с ними завязывать. Но готовить, гадство, я не люблю. Короче, зову пацана. За едой знакомимся. Зовут его Сережа. Окей. Чавкает, деликатно прикрываясь, уже третьим бутербродом. А я внимательно изучаю, что он за фрукт. Поле спокойное, доброжелательное. Но видны следы сильнейшего потрясения, возможно, ужаса. Офигеть. Думаю, мальчишке серьезно досталось. Что же это за мутотень у них тут такая происходит? А? Начинаю задавать вопросы. Сначала вполне невинные. Но затем постепенно затрагивающие сложившуюся ситуацию.

Парень отвечает неохотно. Словно с трудом выдавливая слова. А потом – с лихорадочным возбуждением. Поди, выговориться было не с кем. Окей. И картина для меня частично проясняется. Блин, похоже на то, что происходит превращение людей в неких монстров. Которые по своей природе заведомо являются хищниками. Общий процесс, видимо, запущен не менее двух-трех месяцев назад. Соответственно,

уродов в городе скопилось несколько тысяч, если не больше. Ну, зашибись. И они из-за высокой скученности вот-вот отправятся осваивать новые территории. Жесть, короче.

А вот что для них служит пищей, я пока не понимаю. Жертва, в принципе, не раздирается и не съедается. Но она явно умирает, а убийца тем временем удовлетворяет голод. Затем бывший человек неминуемо становится таким же хищником. Прямо история про вампиров, гадство. Хе-хе. И все же я не верю в их существование в обыденном понимании. Это противоречит логике. Создание, первым проникшее сюда невесть откуда, не могло питаться человеческой кровью. Так как не имело представления, что это такое. Верно? А уроды явно убивают ради пропитания. Однозначно. Окей. Впрочем, думаю, вопрос прояснится при более близком знакомстве с обстановкой. Пока это не самое важное. Реально.

Нужно разбить город и прилегающие территории на квадраты. И методично осматривать их. Рано или поздно источник будет найден. Окей. Тогда я смогу закрыть проем. Зашибись. Блин, но это только полдела. Где-то еще должен разгуливать тот, кто его открыл. Ведь подобные дела не происходят самопроизвольно. Конечно, проще всего предположить, что выпущенные хищники тут же и сожрали инициатора. Но «проще» не означает «правильнее». Верно? Если идиот не погиб, то его существование нельзя игнорировать. Сделал один раз, сделает и другой. Ведь так? Значит, этого

человека тоже нужно искать. Окей. Должна ли это делать я или кто-то другой? Вопрос открытый. Прямых указаний наставник не давал. А копаться в сознаниях людей – непростая работа. По крайней мере, для меня. Есть и поспособнее спецы. И потом, ведь проблем с отысканием прохода будет дофига. Нутром чую. Не получится просто и быстро. Вот, гадство, влипла.

Тут до меня допирает, что пацан давно что-то впендюрирует. Осторожно перевожу взгляд на него. Он смотрит жалобно и выжидательно. В чем дело, нафиг?

– Извини, ты что-то сказал?

Тот становится еще жальче, заикается, путается. Тыкмык. Быр-дыр. Зашибись. Короче, выясняется, что его беспокоит судьба превращенных родителей. Вот жесть. Ничего утешающего-то, блин, нет. У меня четкое ощущение, что процесс преобразования вспять не повернуть. Ну, вроде, как куколку уже не сделать обратно гусеницей. Или как там? Окей. Но пацану-то что сказать? И как? Черт.

Молчу, пытаюсь подобрать нужные слова. Но, видимо, что-то меняется в моем лице. То, что наталкивает парня на правду. Зараза. Его губы начинают дрожать. Какое неприятное зрелище. Из горла вырывается то ли писк, то ли хрип. Он закрывает руками моську и пулей выскакивает из кухни. Офигеть. Как круто я умею работать с людьми. Честь и хвала, гадство.

Чем успокаивать тех, с кем случилась беда? Вопрос,

не имеющий четкого ответа. И, думаю, не только для меня. Жест. Сижу, слушая стук капель из крана. Вот что мне теперь, нафиг, делать? Гладить, утешать? Фу, гадость какая. Блин. Вздыхаю, отряхиваю кофту, расправляю рукава. Нужно же было припереть его сюда! Нет мальчишки – нет проблемы. Разве не так? Встряла, короче, реально.

Выглядываю в комнату. Смотри-ка, сидит, вжавшись в кресло, комкает свой свитер. Это еще что за ерунда? Нюхает, что ли? Надо же, ревел. Зашибись. А такой большой мальчик.

– Э... Серега, слушай, ну, жизнь хреновая такая штука, да. Но, что теперь, вешаться, что ли? Ну, да, не изменить ничего. Ну, и что? Надо привыкнуть, приспособиться и жить дальше. Иначе-то никак. Слышишь? Эй!

– Мама! Свитер вязала мама. Блин, ядрена вошь. И он пахнет ее духами, нахрен. Она как живая! Ты гонишь! Гонишь!!

Срывается с места. С рыданием бросается в туалет. Ну, и что дальше? Я же еще и вру. Нет, ну нафиг мне все эти проблемы? Зараза. Самой, что ли, повеситься? Будто я тут все это и устроила. Черт. Плюс куда его девать? Оставить у себя? Правила, конечно, гласят: «При выполнении задания нужно рассматривать любого человека, не являющегося сотрудником, только как источник информации или потенциальную опасность. Но ни в коем случае не вступать с ним ни в какие отношения, будь то симпатия, дружба или враж-

да. Необходимо помнить, что такой человек является просто инструментом для качественного выполнения задачи». Прикольно, да. Тем более что здесь пацан мне нервы явно истреплет. Не отдохнуть, не расслабиться. Еще под ногами все время путаться будет. Вот радости-то. Короче, здорово было бы избавиться от него. Хе-хе. Но есть завоздка. Под названием совесть. Как только мальчуган выйдет отсюда, он стопроцентно погибнет. Шансов у него нет. В общем, закрыть за ним дверь все равно, что выстрелить в голову. Зашибись. Убивать мне не приходилось. И как-то не хочется. Реально.

Вызываю наставника. Откликается немедленно. Окей. Докладываю ситуацию. Предлагаю забрать парня. Орел наш медлит, потом отказывает. Типа нецелесообразно. Ах ты, старый хрен! Тысячелетняя замшелая редиска! Куда ж мне-то его девать, блин? Выпнуть? Отвечает, что территория подлежит дезинфекции. Ну, после того, как я выполню свою задачу. Найденных людей разместят в карантинной зоне. Если мальчик выживет, то окажется среди них. Ясно? Сеанс завершен. Круто. Краткость – сестра этого, как его, блин? Таланта, что ли? Окей.

Ну, и что же мне все-таки делать? А? Вот зараза. Блин, в миропонимании наставников нет понятий «добро» и «зло». Все основывается на равновесии, гармонии и естественном ходе эволюции. Вытащить пацана – нецелесообразно, нафиг. А обречь на смерть – гармонично. Логика защи-

бись! Причем спорить с наставниками можно, но делать это бесполезно.

Стук щеколды звучит как выстрел. А вот и наш маленький камень преткновения. Пупсик-аборигенчик. Прячет глаза. На щеках красные пятна. Распухший нос до кучи. Жалок до невозможности. Нет, гадство, выбросить его на растерзание я не смогу. Замучаюсь потом оправдывать себя. Нафиг это надо. Гляди-ка, посмотрел и отвернулся. Самостоятельный, что ли?

– Никаких электронных игрушек здесь, по всей видимости, нет. Но, кажется, есть какие-то книги. Располагайся, теперь тебе придется пожить у меня. Понятно?

Ничего не отвечает. Ну, и фиг с ним. Наплевать. Достāju карту Залучинска с ближайшими его окрестностями и начинаю делить на приблизительно одинаковые квадраты. В каждый включаю несколько домов. Ведь источник явно находится в пределах населенного пункта. Таким образом, за месяцко я смогу отсмотреть все. С учетом производственных помещений. Прикольно. Это худший вариант. А надеяться надо на лучшее.

Он

Вчера все не ладилось. Шло наперекосяк, валилось из рук. Согласно «Харрашу», а я всецело доверяю ему, это означает утечку энергии. Наверное, кто-то спровоцировал меня на ее выброс, что удивительно само по себе. Но люди ведь не могут жить спокойно, не трогая других. Разве нет? На самом деле, больше удручает то, что я не сумел идентифицировать провокатора. А это странно. На самом деле, я мало с кем общаюсь. Несколько приятелей да одна женщина. И даже такое взаимодействие некоторое время назад было сведено к минимуму. Только по работе. Вот так.

Признаться, я всегда чувствовал, что отличаюсь от окружающих. Мы действительно разные. Ведь они предпочитают напиваться до скотского состояния при всяком удобном случае. А также обожают шумные вечеринки, беспорядочные отношения и деньги, берущиеся буквально из воздуха. И ничего иного для них не существует. Какая узость мышления, разве нет? Я же очень рано научился читать. И именно книги стали моими единственными и до конца верными друзьями. Они всегда расцвечивают серый обыденный мир, расширяют границы мировосприятия. И побуждают становиться лучше, как ни смешно это звучит. А когда два года назад на книжном развале в областном центре я обнаружил «Харраш», в моем существовании вообще произошел пере-

лом.

Телевизор в комнате матери вопит на полную катушку. Как всегда, политическая программа. Смотрит их все подряд. Честно говоря, с таким уровнем подкованности пора в революционеры. И это не ирония, а вполне себе осмысленный вывод, следующий из многолетних наблюдений.

Да, раньше мою энергию забирала как раз мать. Если не в процессе нагнетания ссоры, то исподволь, постепенно. Например, стоя с преувеличенно скорбным видом у косяка двери. Или готовя себе отдельно нарочито нищенский ужин при ломящемся от продуктов холодильнике. Жалуясь поджатыми губкой губами на бесконечные болезни. Или же пытаясь самостоятельно начать делать уборку. Будьте спокойны, ни одно из вышеупомянутых действий, предоставленных самим себе, никогда не будет завершено. Это просто способы продемонстрировать, какая сволочь у нее сын. А в сердцевине своей – получить энергию. И таких приемов у матери множество, всех и не перечислить. Да, было время, когда пребывание дома изматывало меня не хуже многочасовой физической работы. Но, конечно, кошмарнее всего оказывались скандалы, которые закатывались все чаще и чаще. Видимо, с каждым разом требовалась более серьезная доза. Спасался я тем, что старался реже бывать в стенах нашего жилища. В моей сумке всегда лежала книга, с которой можно было пристроиться где угодно, и хотя бы на время отодвинуть проблемы.

С появлением «Харраша» изменилось многое. Я получил подтверждение, что подавляющее количество людей не умеют или не могут извлекать энергию непосредственно из пространства. Кстати сказать, насыщенного ею. Ведь воровать намного проще. Разве нет? Признаться, мало кто из соплеменников, осознанно или неосознанно, черпает ее из вселенной. Хотя наш мир буквально переполнен ею в том или ином виде. Бери, не хочу. Но лишь те немногие ни у кого ничего не крадут. А остальные, в большей или меньшей степени, становятся энергетическими упырями. Встречаются такие монстры, что способны высосать досуха. Происходит так потому, что канал, ведущий от вампира к донору шире, чем тот, который связывает донора с космосом. Последствия таких манипуляций ужасающи. Высосанный внешне, без всяких видимых оснований, теряет все жизненные силы и умирает. Причем врачи не в состоянии диагностировать заболевание. Но это крайний случай. Как правило, люди и берут, и отдают одновременно. Если выкачивается больше, чем закачивается, то нарастает ощущение гнетущей опустошенности, слабости. Появляются неотступные мысли о смерти. И действовать тогда нужно безотлагательно. Необходимо во что бы то ни стало выявить источник утечки и оборвать связь.

«Харраш» научил ставить защитные блоки. Помог развить способность накапливать энергию самостоятельно. Я стал совсем нелюдимым, но мое самочувствие резко улуч-

шилось. Организм окреп, а разуму открылись такие тайны, о которых и не подозревал.

Интересное дело, когда мои пальцы впервые коснулись этой удивительной книги, вдруг пришло ощущение, что именно в ней сокрыто предназначение, то, ради чего я пришел на планету Земля. Идея, конечно же, выглядела нелепой. Но отвязаться от нее оказалось невозможным. И книга, конечно же, была приобретена. Кстати сказать, за смехотворные деньги. Еще в поезде я начал читать, с первых же строк погружаясь в неведомый и необыкновенный мир. Толчки и мат соплеменников, грубо вырывавшие меня на поверхность, воспринимались особенно болезненно. Но оторваться я уже не мог.

Дома внимательно осмотрел толстенький том, достаточно потрепанный, хотя и с целыми страницами. Ни издательства, ни года выпуска, вообще никаких выходных данных. Будто «Харраш» упал с неба. Но какое это имеет значение? Каждый раз, когда я беру его в руки, он становится теплым. Как настоящее живое существо. И оно благоволит ко мне, стремится дать знания, в которых я так нуждаюсь.

При мысли, что мать, имеющая привычку рыться в моих вещах, может найти его, сердце давало сбой. Словно в книге действительно заключался смысл моего существования. Поэтому мне пришлось поставить у себя звуконепроницаемую дверь, врезать хитрый замок. Которым я пользуюсь даже тогда, когда выхожу по малой нужде. А также приладить

звукоизоляцию во всей комнате. Признаться, в тот момент не обошлось без наигранных обмороков и бесконечных завываний со стороны матери. Но овчинка стоила выделки. Пьяные вопли соседей, грохот телевизора и спектакли родительницы отрезаются сразу, как только я закрываю дверь. И остаюсь с самим собой и с «Харрашем».

После опытов с защитными блоками раскадровка домашних представлений заметно модифицировалась. Скандалы устраивались в любое время, когда я появлялся в пределах досягаемости. Мать споро вышмыгивала из своей комнаты или кухни, и запускалась хорошо смазанная карусель. Перечислялись сотни болезней, которые неустанно грызут ее, а мой образ выписывался густыми мазками и определялся где-то в районе мерзавца и дряни с отклонением в сторону маньяка, стремящегося сжить со свету самое близкое существо. Это выглядело настолько нелепо, что я смеялся матери в лицо. Тогда тактика претерпевала превращения. И меня принимались хватать за руки, сползая в картинных рыданиях на пол.

Да, занимательное было время, признаться. Я не уставал изумляться изобретательности и находчивости человека, давшего мне жизнь. Но разрушить воздвигнутые барьеры эти выступления уже не могли. Соответственно, прекратились и выплески энергии с моей стороны. А если нет подпитки, то нет и нормальной жизнедеятельности. И мать начала съезживаться и стареть буквально на глазах. И, как пра-

вило, редко выходить из своей комнаты, куда перетащила телефон. Теперь оттуда почти постоянно слышится нескончаемый разговор с очередной приятельницей, в котором без труда угадываются знакомые визгливые нотки.

В общем, мамаша моя оказалась еще тем вампиром. Хотя, простите, много ума не надо, чтобы тянуть энергию из собственного сына. Истины ради стоит отметить, мною просто восполнялось то, что без лишних усилий забиралось у нее окружающими людьми. И ее можно и даже, наверное, нужно пожалеть. Но поступать так с ребенком, согласитесь, бесчеловечно. Не зря мое детство сопровождали бесконечные болезни, больницы и отчаянное ощущение ненужности.

По мере изучения «Харраша» я стал замечать, что животные проявляют симпатию ко мне. Даже самые злобные псы, за секунду до того готовые разорвать кого угодно, виляют хвостами и смиренно тыкаются носами в мои колени. Сначала это казалось просто забавным. Потом пришло понимание, что все живые создания действительно братья, к которым нужно относиться не менее бережно и уважительно, чем к самому себе. Дальше – больше. Меня начали избегать хулиганы. И теперь уже ничто не препятствует мне совершать прогулки в городе или лесу в самый поздний час, ничего не опасаясь. Всякое дело спорится в моих руках, а все существо переполняет радость. Хотя, признаться, только наедине с собой. Внутренняя нечистоплотность рода человеческого отталкивает, вызывает настоящее отвра-

щение. И от этого никуда не деться. Вонючие скоты, гадящие вокруг себя. Стремящиеся выжать как можно больше — из жизни, природы, других людей. И не прикладывать никаких усилий. Их неумение или нежелание смотреть в перспективу, совсем близкую или отдаленную, по-настоящему обескураживает. Неужели так можно? Да, наверное, со стороны мое отношение к ним выглядит чем-то вроде ненависти. Смешно, честное слово. Ведь «Харраш» показал мне, что ненависть, как и каждое сильное чувство, провоцирует стремительный и значительный выброс энергии, потеря которой может вызвать разрушение защитных барьеров и даже нездоровье. А это уже совершенно не к чему. Разве нет? Поэтому я был вынужден выработать автоматическую доброжелательность при любых контактах.

Мне известно, что ничего и никогда не происходит просто так. Вот и встреча с «Харрашем» для чего-то нужна. Но для чего, по-прежнему остается загадкой. Признаться, вопрос этот мучает и изводит, не давая отдых рассудку. Мысли одна занимательнее другой буквально раздирают мозг. Они не оставляют меня и на работе, где требуется сосредоточенность и внимание. Понятно, что моя деятельность притормаживает, буксует, а это вызывает раздражение начальников и коллег. Мнение последних можно элементарно игнорировать, а вот с руководством выходит сложнее. Но пока все происходит по одинаковому сценарию. Меня вызывают, устраивают жуткую выволочку. Я же в ответ улыбаюсь

и предлагаю урегулировать ситуацию миром. Почему-то такая реакция раз за разом ставит руководителей в тупик. Они теряются, замолкают, а потом крутят пальцем у виска. Смешно? Видимо, подобное поведение совершенно не укладывается в накатанную схему взаимоотношений внутри организационной структуры.

Чтобы отдохнуть, я всегда уйду в лес. В выходные дни – надолго. Иду, бережно отодвигая ветви, в самую глухую чащу, где не угадывается даже намек на присутствие человека. Нахожу сухую поляну, покрытую резными травами и цветами, ложусь, раскрывая руки, и закрываю глаза. Солнце ласкает теплым прикосновением, птицы распевают веселые куплеты, шумит листва под ветром, а душа наполняется радостью. И в такие моменты мне кажется, что я сливаюсь с природой, со всем мирозданием. Нет отдельного меня и отдельного макрокосма. А образуется некоторое общее, гармоничное целое.

Таким образом я могу проводить время до позднего вечера, вслушиваясь в симфонию, которую дарит природа. Встаю, травы распрямляются, ложусь – превращаются в мягкий покров. Если хочется есть, присаживаюсь на поваленное дерево, вытаскиваю из сумки термос и бутерброды. Утолив голод, поднимаюсь и иду дальше. Когда начинает садиться солнце, поворачиваю обратно. И не сумею объяснить, почему. Нет сомнений, что мир, частью которого я являюсь, обязательно позаботится обо мне, не даст замерзнуть, промок-

нуть или заболеть. Удивительно, но с наступление темноты ноги сами, без участия разума, несут меня к городу. И чащоба неизменно редее, сквозь разрывы веток загораются огни, а я выхожу на знакомую тропинку.

Ход времени не остановить. Лето заканчивается, наступает осень, раскрашивая кроны деревьев яркими красками. В лесу становится тихо и как-то стеклянно прозрачно. Задуют холодные ветра. И я наконец получаю ответ на так мучающий меня вопрос. Гуляя и вороша ботинком опавшие и уже преющие листья, поднимаю голову, услышав, как ветер ураганом несется по верхушкам берез и елей. Он кружит около меня и неожиданно бросает в лицо охапку неизвестно откуда взявшихся цветов. Пытаясь удержать нечаянный подарок, я внезапно осознаю, для чего появился здесь. Будто это понимание присутствовало во мне всегда. Как странно. Разве нет? Оказывается, нужно просто предоставить наш доверчивый и чистый мир самому себе, изъев паразитов, разрушающих его со все возрастающей яростью. И способ пока неизвестен, верно. Однако я должен это сделать, если то, что окружает меня, действительно дорого мне. И если мы – единое целое.

Наверное, такое решение всегда лежало на поверхности, но почему-то никогда не приходило в голову. И вот теперь все ясно и четко, но продолжать прогулку я больше не в состоянии. Неясное беспокойство тревожит и гонит домой. Интересно, зачем? Видимо, за разъяснениями придется об-

ращаться к «Харрашу», не иначе.

Задумавшись, неспешным шагом выхожу к реке. И ненадолго набредаю на компанию, культурно – в своем понимании – проводящую досуг. Все как всегда. Пьяные мужчины в тренировочных штанах и кожаных куртках. Изрядно нетрезвые их подруги. Дети, бегающие с пронзительными воплями. Костер, шашлыки, бутылки, мусор. И автомобиль, почти уткнувшийся в ствол дерева, машина, оставившая за собой две глубокие колеи, будто раны. Я застываю, пораженный в очередной раз варварством соплеменников, не в силах сдвинуться с места. И, видимо, этим привлекаю внимание одного из отдыхающих. Он нагло разглядывает меня, сплевывает и начинает подниматься, растягивая мерзкой ухмылкой рот. В глазах злоба, презрение и предвкушение потехи. Неудивительно, ведь я не его круга и один. Жалкий, чисто одетый «ботаник», на свою беду наткнувшийся на расслабиху реальных мужиков. Разве нет? И, слава богу, ему никогда не узнать, что мышцы мои не менее крепки, чем у него, а тело сложено во много раз лучше.

Ругательства уже готовы сорваться со слюнявых губ мужчины. Но тут он наталкивается на мой взгляд, и мат застревает в его в глотке. Славно. Вот теперь можно и покинуть место обильных возлияний. Но вокруг порожняя посуда, отходы. Какая-то дрянь раскидана буквально повсюду. А ведь банкет еще и не думает подходить к завершению. И я не выдерживаю, уйти просто так нельзя. Поворачиваюсь к людям

и отчетливо произношу:

– Немедленно убрать за собой все!

– Чего, блин? – нетвердо привстают мужские особи.

Женщины тут же поддерживают спутников отборным матом, на все лады склоняя мою родню. Даже их отпрыски останавливаются и вытаращивают глаза в ожидании развлечения. Действительно. Почему бы нет? Их так много, а я один. И я смеюсь. Хохочу во весь голос. Эхо перекатывает звук смеха вверх-вниз, вверх-вниз, будто пробуя его на вкус.

А эти обезьяны сначала замирают в недоумении, уж больно неадекватна моя реакция. Но приказ ведь ясен и недвусмыслен. И они, шатаясь и падая, все-таки принимаются собирать мусор в пакеты и сумки. Ни единого слова, только шорох, хруст и шелест. За этим занятием я и оставляю их, зная наверняка, что соплеменники приберут все, потушат костер и отправятся восвояси, так и не вспомнив, не поняв, что заставило их прервать так удачно начавшуюся вечеринку. Самое печальное заключается в том, что их можно остановить сейчас, но заставить вести себя по-человечески в следующий раз – нельзя.

От окраины леса до моего жилья всего десять минут ходьбы. Но я успеваю встретить еще несколько подвыпивших в тренировочных штанах и торчащих на макушках вязаных шапках. Один из них держит за руку не менее пьяную подругу с плоским пустым лицом. И все вместе они выводят нестройными голосами что-то вроде «Ничего на свете луч-

ше нету...». Слава богу, хотя бы детские песни помнят, те, в которых до сих пор есть светлый посыл.

На скамейке возле дома сидят две молоденькие мамы, их совсем маленькие дети возятся в песочнице. Девочки оживленно что-то обсуждают, перемежая каждое слово ругательством, прикладываются к бутылкам пива и посасывают сигареты. Их высоко заколотые хвосты одинаково трясутся от возбуждения, вызванного, видимо, интересной для дам темой.

Прохожу мимо, морщась от дыма. Они умолкают, провожая меня внимательными взглядами. За спиной продолжают, совершенно не заботясь о том, что я могу услышать:

– Прикинь, это наш сосед сверху, твою мать. Не курит, не квасит и баб не водит, сука.

– Да ты гонишь, блин!

– Неа, прикинь.

– Ну, по ходу, видать – пидор! Ясное дело.

– Ага, по ходу. В натуре клево было бы позирнуть, как мой Сашка взлохматит его, твою мать.

Мамаши довольно хихикают. Славно. Захожу в подъезд, мысленно желая этому Сашке держаться подальше.

Открываю дверь квартиры. Меня встречают включенное на полную громкость радио и вышедшая из своей комнаты мать. Она, как обычно, опирается плечом о косяк, и не успеваю раздеться, заводит привычную песню о подлой моей сущности. Сопровождаемый такими сказаниями я умыва-

юсь и скрываюсь у себя. Переодеваюсь в домашнее, ложусь на кровать, закинув руки за голову. Знание согревает меня теплым светом. Теперь нет сомнений, что через некоторое время наш мир снова станет цельным, таким, каким он был до прихода человека. Ведь хомо сапиенс не всегда существовал здесь. На самом деле, он инородное тело, привнесенное сюда неизвестно кем и непонятно зачем. Человечество – болезнь, разъедающая эту часть пространства. И не исключено, что такое инфицирование когда-то было произведено намеренно.

Проходит, наверное, еще месяц. И, в конце концов, я понимаю, что именно требуется сделать, чтобы помочь нашему миру. Хотя для меня, скорее всего, это означает смерть. Все так, а медлить нельзя, наступает нужное время. Начало ноября, землю сковывает морозец, и воздух насквозь пронизывают белые мухи. И я оказываюсь в заброшенном двухэтажном деревянном доме, ничем не отличающемся от окружающих строений, за исключением того, что он признан аварийным, и всю пьянь, населявшую его, растолкали по другим местам. В сумерках замирающего дня поднимаюсь по скрипящим ступеням на второй этаж, толкаю дверь одной из квартир. Под ботинками хрустят разбитые стекла, повсюду валяется мусор, но по комнатам гуляет свежий ноябрьский ветер, холодный, пронзительный и уничтожающий любой дурной запах. Слава богу, никто не встречается на моем пути.

Медлю несколько минут, окончательно взвешивая приня-

тое решение, так как отчетливо осознаю, что обратного пути не будет. То, что произойдет сейчас, станет безвозвратным. И для меня тоже. Разумеется, выбор сделан, но в последнее мгновение я останавливаюсь, откладывая финальный шаг. Ведь он важен неизмеримо. Жду, позволяя мыслям свободно блуждать. И постепенно предельная ясность затопляет сознание. Глубоко вздыхаю, немного нервничая. И рывком открываю дверь в нужное измерение.

Порыв ветра едва не сшибает меня с ног. Вместе с вихрем выныривает нечто темное, юркое, неопределенной формы. Оно кружит возле, но почему-то не трогает. Затем вытягивается в ленту, вплотную приближается, будто обнюхивая, и стремительно уносится прочь. Славно. На висках выступает холодный пот. Я знал, что существо придет одно, однако не подозревал, что после встречи останусь в живых.

Все. Возврата нет. Положено начало цепной реакции. Процесс продлится, возможно, несколько десятков лет, но постепенно население планеты целиком превратится в открытых энергетических вампиров, умеющих поглощать энергию только от человека. Когда будет высосан последний, чудовища останутся без пищи. Какое-то время им придется голодать. Но придет день, и их жизненная сила иссякнет без остатка, а сами они рассыплются в прах. Тогда выпущенное сегодня существо покинет временную оболочку и уйдет к себе, закрыв распахнутую мною дверь. А наш мир продолжит жить. Но уже без человечества.

Сергеа

Очухиваюсь, по ходу, поздно. С трудом раздираю слипшиеся зенки. Нехотя умываюсь. Питаюсь опять бутиками. Чуханско, что я нихрена варить не умею. Кроме, блин, жареной картошки. Бутерброды уже в натуре достали. Щупаю батареи – горячие. Свет и газ – тоже на месте. Клево. А вот телефон в отрубе. И не поймешь, то ли твари провод перегрызли, то ли телефонная служба загнулась. Короче, не хило бы снова в город смотаться. Купить типа суп в банке. Ну, кашу растворимую. Еще, ешкин кот, какой-нибудь хреноте-ни. Ну, и на вокзал зарулить. За билетом. По ходу, точняк пора валить отсюда.

Чапаю к родокам. Выдвигаю нижний ящик шкафа и роюсь в вещах. Стараюсь нащупать картонную коробку, где хранятся деньги. Маманя всегда чуток откладывала. Поэтому там захована приличная пачечка. Дыбаю несколько сотенных, запихиваю в карман штанов. Блин, снова выходить, бояться, прятаться. Как все задрало! Вот так бац, и не вернешься. Говняно, короче, ядрена вошь. Какого, вообще, хрена все это случилось конкретно со мной? Коптят же небо другие, и ништяк. Снова раскис, пацан? Ага, а тебе-то клево, что ли?

Выглядываю в окно. За ночь нанесло дохрена снегу. И следов никаких, людей – тоже. Чухня какая, блин. Лезу на антресоли, ешкин кот. Вытаскиваю валенки, не в ботинках же

переться по такому. Еле-еле напендюриваю их – маловаты стали. Одеваюсь всяко-разно. Беру, короче, авоську и тихохонько вылезаю из хаты.

Вся лестница первого этажа заметена. В слегонца открытый подъезд рвется ветер. Кружит, прикинь, поземкой. Прямотут рассекать можно, ага. Пробую сдвинуть дверь наружу, а хрен. Короче, как есть продираюсь сквозь щель. На четвереньках карабкаюсь по сугробу. Клево. Кто бы меня шас видел. Ага. Два шага по насту, и хрясь вниз. Опять двигаю на карачках. Короче, по любому надо сначала билет взять. Только как до этого хренова вокзала дошкандыбать? Дороги, блин, не чистят. В натуре. Не видать ни машин, ни народу. Может, уже всех нахрен замочили? Жесть. Что ж ты будешь делать, пацан, если кирдык и вокзалу, и поезду? Убирайся ко всем чертям, ешкин кот! Да ты сам ублюдок, ты в курсе? Пошел вон, я сказал!!

Снег набивается в валенки, рукава. А мне жарко. Торможу чуток передохнуть. Зыркаю себе вокруг. Я, по ходу, совсем один. Занесенные деревья, дома с пустыми окнами. И тишина. Даж собак не слышать. Ядрена вошь, неужто и правда никого живого не осталось? Ссыкотно как-то. Маленько подмерзают намокшие варежки. Хлопаю ими, покрепче закручиваю авоську вокруг руки и ползу дальше.

Ешкин кот, а это еще что за хрень сзади? Мигом оглядываюсь. На той стороне тоже кто-то тащится. До рези вперяюсь, пытаюсь въехать, кто там. Твою мать, он тоже засекает

меня и поворачивает. Вот мудила! Страх в натуре пронзает до пяток. По ходу, меня догоняют. Быстрее, быстрее, пацан. Нам бы только до подъезда дотюкать. Бли-ин, нахрен я вообще выперся сегодня? Что за ералаш, твою мать?! Не могу сдвинуться, прям застыл весь. А-а-а-а! Щас схватят, раздерут! Зассал? Да зассал, отвянь, блин! А-а-а-а-а!

И тут меня хлопают по плечу. Слышу точняк девчоночий голос: «Что это у вас тут происходит?». Клево. Чуть не охреневаю. По ходу, прокатило? Несмело оборачиваюсь. Светлые глаза на улыбающейся роже в веснушках. Вот это да. Вглядываюсь – в натуре человек. Живая девчонка небольшого роста. Ну, ядрена вошь, это ж надо было так лохануться? Ржу, как придурок. Она опускает голову, хмурится. Потом снова – прям в zenки. Типа душу вытаскивает. И, короче, предлагает пойти к ней чаю попить. Нет, ну ты втыкаешь, пацан? Ага, щас, так и пошел, нашла кретина. Но, прикинь, она крепко берет меня за руку. И я почему-то не противлюсь. Во придурок, да? И говорит, что ей жизненно необходимо узнать, что за мутотень тут случилась. Догоняешь? Жизненно! Клево. Ну да, я идиот. Ты, что ли, лучше?

Короче, вот ни за что бы не подумал, что девчонка вот запросто так пригласит меня к себе. Посреди этого ужаса, блин. Когда никому не доверяешь. Да чуть не за шкварник потащит куда-то. А я типа и нормально. Понтовый расклад, пацан? Я даже ничего придумать не успеваю. В натуре. Да ладно, ты типа круче меня, ага. Ты вообще в курсе, что я

и ты – это один чувак? Вот-вот, и нехрен выделяться.

Чапаем быстро. По следам в натуре легче. И дом ее почти рядом. Она тянет дверь подъезда. Заглядывает внутрь, уморно поводя короткой сопыркой. Потом дергает меня. Пендюрим на четвертый этаж. Здесь тоже пусто и тихо. Только ветер воеет в выбитых окнах. Не улавливаю ни голосов, ни смеха, ни радио. Вообще глушняк. Клево. Девчонка открывает какую-то квартиру. Ну, чуток шухерясь вхожу. Стараюсь, короче, отряхнуть налипший везде снег. А она вмиг закрывает замки, сбрасывает полушубок, ботинки и мчится в комнату. Во энерджайзер! Я же, ешкин кот, все топчусь. Одергиваю свитер, приглаживаю волосья. Никто ж не думал, что окажусь в гостях. Тем более у девчонки. Конечно, она смешная и, по ходу, старше меня лет на пять. Но мы-то с пацаном по любому крутые перцы.

Вроде зовет меня. Ну, я – молчок. Тут ведь, пацан, покумекать надо, что вякнуть-то. А она, прикинь, влетает, аж в глазах рябит. Затаскивает, ешкин кот, в комнату. Сильная, блин. Выдергиваю, короче, руку. Зыркаю туда, сюда. Чтобы определиться. Ну, ничего так в хате. Только разбросано всякое. Видать, убираться не любит. А мне-то какая баня? Засекла, ешкин кот, что осматриваюсь. Ржет, пихается. «Не нравится?», – спрашивает. Кому, может, умора, а кому – и нет. По ходу, краснею. А, похрен! С деловой мордой залажу в кресло. Устраиваюсь как реальный пацан. Не деревенщина ведь какая-то, в натуре.

Девчонка, засунув пальцы в карманы штанов, несколько минут оглядывает меня сверху донизу. Как эту, экспонату, что ли. Потом уморно жмурит глаза и предлагает перекусить. А я чего ж? Ну, не против, ясен пень. Она прыскает и несется в кухню. В натуре чувствую себя идиотом. Да, пацан? Зато кое-кому, ешкин кот, весело охренеть как. Ну. Слышится звон посуды, шум воды. По ходу, мастрачит что-то. А я маленько расслабляюсь. Крутого изображать все-таки напряжно. Блин. Ну, чего дальше-то, пацан? По ходу, не хило бы держаться с ней вместе. Все не один. А? Молчишь? Ну, и хрен с тобой. Интересно, квартиру ей предки купили или снимает?

О, уже идти есть можно. Клево. Солидно спрашиваю, где помыть руки. Девчонка вытирашивается и снова прыскает. Ешкин кот, я просто клоун для нее. Да, пацан? Короче, драю ладони, стараюсь притиснуть вихры. Принимаю, ядрена вошь, задумчивую рожу. Вроде ништяк более-менее. Чапаю обратно. А меня уже ждут. Опять зыркает, щурит светлые зенки. Ну, на столе кружки с чаем, гора горячих бутиков. Запах – аж слюнки текут. Сажусь, короче. Не знаю, что делать. Куда, блин, смотреть. Но есть сильно охота. Молчим. Долго так еще, ядрена вошь? Тишком взглядываю на девчонку. А она губы кусает. Вот-вот заржет, чумичка. Ну, клево. Неужто я такой уморный? А, пацан? Предлагает познакомиться. По ходу, мне надо было предлагать. Лоханулся чуток. Ну, и ладно. Имя у нее ржачное – Тося. Прямо подхо-

дит. Такое же смешнучее и незатейное. Умора. Ну, пьем чай. А потом она просит рассказать с самого начала, что за ералаш в городе.

Ну, ништяк. Как чужому все это раскрыть, ешкин кот? Да еще девчонке. Столько всякого. Разного. Ну, мямлим с пацаном. А дальше, типа, подхватывает. Базарю без остановки. Как попугай, в натуре. По ходу, правда, что чужому легче выложить, когда хреново. А Тося все зырит. Внимательно так. И мне, короче, начинает казаться, что ближе нее у меня и нету никого. Прикинь. С чего бы? По ходу, влипли, да? До того доходит, ядрена вошь, что про мать раскалываюсь. Ну, что любил ее, а вот все равно предал. Зассал и предал.

В глотке сухо. Отпиваю из кружки. Поднимаю глаза. Девчонка так же смотрит, но типа сквозь меня. О чем-то думает, что ли. Бровь чешет, прикинь. Зову, не отвечает. Тогда решаю еще бутик сожрать. Чего отвлекать человека? Ну, жую себе тихонько, чтобы не опозориться, как свинюке. А Тося подпирает голову и узоры на клеенке чертит. Как-то стремно прерывать, да? Нам ведь тоже есть о чем покумекать, ешкин кот. Вот было бы круто, если бы эта зараза лечилась, как обычная простуда. Сунул гадине в пасть таблетку, и привет! Стоит перед тобой нормальный чувак, а не какой-то там ужас на крыльях ночи, ядрена вошь. Тогда, глядишь, все бы и наладилось, как прежде. Тишком зыркаю на девчонку. Типа просчитывает что-то, блин. Вот замороки. Странная она какая-то. По ходу, сечет про всю эту байду больше, чем я

сам. С чего ради? А хрен знает. Может, надо зассать, пацан? Но вокруг такая спокуха, опупеть.

Снова зову девчонку. Потом с опаской дергаю за рукав. Она вздрагивает и в непонятках пялится на меня. Типа не догоняет, кто я вообще такой. Ништяк, да? Но рожа тут же мягчает, видать вспомнила. Просит повторить, ешкин кот. Задумалась типа. Ну, спрашиваю про родителей. Можно ли вылечить их, обратно людьми сделать.

Что-то меняется в ее глазах. Она чуток качает головой и опускает ее. И тут мне в натуре плохеет. Где-то внутри взрывается бомба. Выметаюсь из кухни, как ошпаренный. Ну, что ж, ядрена вошь, такое! Реветь хочется, в натуре. И никто не должен это видеть, понял? Толкаю дверь туалета. Срывающимися пальцами задвигаю защелку. И сажусь на крышку унитаза, закрыв рожу руками. Пацан! Оказывается, я верил, блин, верил! Что можно все как-то исправить. Что вокруг только страшная игра. Которая закончится рано или поздно. Просто нажать нужную кнопку, и все закрутится назад. А вышло, что нельзя. Никак. И не изменить ничего. Как на той войне, о которой базарил дедуля. А со мной дальше-то что будет? С нами, а, пацан? Сам ты, ешкин кот, нытик! Сам такой! Пошел нахрен, и без тебя тошно. А эта девчонка, откуда, блин, знает все, понимает? У-у, змеюка. Спецом ведь подстроила, а ты и выболтал, дурак. Ну а ты, типа, такой умный, что ли? Ну, и выболтал, и что? Ну и надо ей для чего-то въехать, я-то тут при чем? Да? Отвали! До-

стал уже выше крыши!

Пару раз глубоко вздыхаю. Споласкиваюсь холодной водой. Полотенцем растираю морду. Стараясь не шуметь, отодвигаю задвижку. И тишком выползаю. Говняно, если Тося просечет, что я разнюнился, как салапон. Да еще в туалете засел. Вообще стремно. Как смотреть-то на нее после этого? Типа в натуре не пацан. Заткнись! Ну, в комнате никого. Клево. Чапаю к креслу. И тут вижу нитку, приставшую к рукаву. Ладонью пробую сбросить. Ядрена вошь! Какой же он мягкий, теплый. Прямо как маманя, которая его вязала. Бли-ин, нету мамы, нету. И не будет. Стаскиваю, комкаю, прижимаю к лицу. Почему все так погански? Почему? Мы с пацаном совсем одни. Гребаная эта жизнь, засранская, слышишь?

Меня окликают. У входа в кухню стоит Тося. Я отвожу взгляд. Пытаюсь что-то ответить, ешкин кот. А получается мудацкий скулеж. Больше не могу. Снова реву, уткнувшись в пушистый комок. А ее уже и нет в комнате. Стыдно, блин, как же стыдно. Перед девчонкой. Разревелся. Как салага, как пидор, как нюнсик. Вставай, пацан, вставай! Мы же не какие-нибудь, мы настоящие мужики, блин. Это просто жизнь такая, а так мы с пацаном что надо. Кусаю губы, сжимаю, разжимаю пальцы. Мы никому не разрешим насмехаться над нами! Мы покажем, какой я крутой пацан. Пусть только сунутся.

В дверях снова Тося. Спрашивает, как дела. Говорю, да

все ништяк, разве может быть по-другому? В ее глазах нет издевки, это клево. Она подходит, садится на ручку кресла и гладит меня по голове. Я дергаюсь, как от удара. Вообще уже! Но противиться нет сил. Бедный, бедный Сережик. Нет настоящего, нет будущего. Ты почти мертвяк. Пацан, не прикалывайся так, мне сильно хреново.

Девчонка молчит. Типа рассматривает.

– Послушай, я не знаю, что тебе сказать. Мне надо подумать. Ситуация – реально дерьмовая. Короче, посмотри пока сам, что тут есть. А я постараюсь сообразить, как действовать дальше. Окей?

Вздыхает и выходит. Все тело разбито, типа я дрался. Руки дрожат, не собрать. В натуре не хило бы чем-то заняться. Хоть отвлечешься. Только вот чем? Не в солдатики же играть, вон их сколько на полке. Короче, без зазрения совести копаюсь в шкафу, набитом всякой мурой. Клево! Нахожу игру. Вполне себе такую играбельную. Нажимаю кнопки. Ништяк, ребята. А мы их счас тут замочим! Они туда? А мы их слева! Бац, бац! Круто, ешкин кот. Время вразлет!

В кухне вроде скрип половиц. Открывается дверь. Это Тося. Садится в кресло напротив меня. Кладет рядом какой-то пакет.

– Ну что, герой? Тебе, видимо, пока придется остаться здесь. Так будет безопаснее для тебя, а мне – спокойнее. Понимаешь?

Улыбка против воли растягивает мои губы. По ходу, как

у петрушки, блин. Клево, что не выпинывают.

– А чему ты радуешься-то, дурашка?

– Ну, вместе лучше, по любому. Не так ссыкотно. Ага. Но нам не хило бы побыстрее свалить отсюда. Ты в курсе? Чего ждать-то, ешкин кот?

– Пупсик, ты задаешь вопросы, на которые у меня нет ответов. По-крайней мере, сейчас. Короче, поживешь тут. Когда все устанут, уйдешь. Держать не буду. Понял? Спать будешь в том кресле. Оно раскладное. Короче, из квартиры не выходить. Действий, не согласованных со мной, не принимать. Все ясно? Жизнь у тебя одна, и ею надо дорожить. Окей?

Торопливо киваю, ешкин кот. Еще бы не просечь. Уж лучше так, чем одному. Да, пацан?

– И еще. Сейчас мы смотаемся за твоими вещами, здесь ведь не гостиница. Возьмешь только самое необходимое. От меня – ни на шаг, понял? И никаких резких движений, что бы ни случилось.

Прям начальник, ядрена вошь. Втыкаешь? Ну и плевать пока. Дальше, по ходу, сориентируемся.

– Слушай, а нахрена нам вообще торчать в городе, раз тут так говняно? Может, завтра все-таки свалим? А?

Она усмехается. Опять зырит мимо. И вопросец мой игнорит, по ходу. Клево. Но разбираться, короче, шас не время.

На улице вечереет. Нам в натуре надо пендюрить скорее, если хотим вернуться до темноты. И мы стараемся, блин. Я –

впереди, она – сразу за мной. Типа прикрывает, умора. Чапаем по утрешним следам. У подъезда тормозим. Она опять смешнуче поводит сопыркой. По ходу, вынюхивает что-то. Дверь, прикинь, широко раскрыта. Хотя давеча я еле вылез. И снег истоптан. Видать, таскался кто-то. Сигналю, ешкин кот, девчонке. Не отвечает. Только крепко хватает за руку повыше локтя. Аж больно, блин. Потом подталкивает. Ну, ништяк, чего ж. Двигаем тишком дальше. Вроде нормально все. Останавливаемся у хаты. Шарю, короче, в кармане. Пытаюсь вытащить ключи.

Леденящий вой откуда-то сверху. Прямо рвет, ядрена вошь, тишину. Твою мать! Дергаюсь. Роняю. Блин! Тося клещами стискивает плечо, шипит не хуже змеюки:

– Зараза. Главное, не надо вести себя, как придурок. Понял? Пока я рядом, с тобой ничего не случится. Шевелись, блин!

Наверху копошатся. Слышится глухое рычание. Ядрена вошь! Наклоняюсь, ощупываю пол. Вот они, блин! Вцепляюсь. Трясущимися пальцами пытаюсь вставить нужный. Никак, твою мать! Тося выдыхает в самое ухо:

– Да не волнуйся ты так.

Ништяк. Колбасит несколько не меньше. Как во сне поворачиваю замки. Вышло! Девчонка сама распахивает дверь. Впихивает меня. Секунду всматривается в полутьму на площадке. И наконец запирает на засов. Клево. Стою, подпираю, ешкин кот, стенку. Дышу через раз. Тося находит выключа-

тель. Тихонько крадется по коридору, делая мне знаки рукой. Типа, чтобы не рыпался. Да мне, блин не до того, в натуре. Прямо как выполоскали всего. Так бы и рухнул.

– Порядок. В квартире чисто. Начинаем работать.

Ага. Агенты ФБР, блин. Секретные, твою мать, материалы. Посмотрела бы, ешкин кот, на себя со стороны. Ой, не могу, умора. Во, в кухню зарулила. Роемся, по ходу, в холодильнике. Выходит. Чет быстро как, да, пацан? А мы на том же месте. Отдыхаем, ядрена вошь, типа на природе.

– Ты чего торчишь тут как истукан? Марш собирать шмотки! Брать исключительно трусы, носки, футболки. И зубную щетку не забудь.

Встряхивает. Больно сдавливают ухо.

– Давай скорее, идиот! У нас очень мало времени!

Эй, пацан! Помоги, что ли. Куда пропал-то нахрен? Чет я, по ходу, как обдолбанный. Хрень ежовая, нафиг. Ты где, блин? Не отвечает, ядрена вошь. Еле-еле раздеваюсь, тащусь к себе. Как в коматозе выдвигаю ящики, вытаскиваю какое-то барахло. Складываю обратно. По ходу, протягивается вечность.

За спиной рявкают:

– Нормально, блин! Все еще копаешься? Вот ведь наказание, гадство.

Вздрагиваю. Из рук выпадает куча белья. Тося отталкивает меня. Сама собирает сумку, ругаясь сквозь зубы.

– Ну, все! Пошли.

Хватает за руку. Потом оборачивается. Буравит колючими зенками. И вдруг со всей дури дает подзатыльник. Фига-се! Какая подлость! Ну, стой, щас я тебе тоже вмажу. Мало-то не покажется, ешкин кот.

Прикинь, а она усмехается:

– Вот так-то лучше, пупсик.

По ходу, прикольнулась. А в натуре я вроде растормошил-ся маленько. Ядрена вошь. Какой ералаш-то со мной приключился. Но нам и правда пора валить. Стемнело ведь. Беру, короче, сумки.

– Может, денегат взять из родительских запасов? У них целая коробка. По ходу, не нужно им теперь.

Ну, типа, и от меня польза есть.

– Зашибись. Да не пригодятся они нам в ближайшее время. Реально. Потом заберешь. Когда все закончится. Окей?

Голос ее звенит в душевной тишине. Да хоть за хоккей, ешкин кот. Выискалась тоже! Умная какая, блин. Все-то, типа, знает, ага. Да, пацан?

Короче, возвращаемся тем же порядком. Я с сумками впереди. Она сзади. Фонари не горят. Хоть глаз выколи, в натуре. И опять жутко, ешкин кот. Пендюрю, не жалея ног. Только бы добраться поскорее. А наперерез что-то бросается. Твою мать! Отскакиваю назад, налетая на Тосю. Чуть не сбиваю.

– Не надо дергаться, блин!!

Ага, ядрена вошь! Прямой наводкой горящие зенки

несутся. И зверское рычание со всех сторон. А-а-а-а! Спасите!!

– Пошел вон отсюда, урод!

Это она кому? Девчонка рывком подтаскивает меня к себе. А гадина резко кидается на нас. И тут типа натывается на какую-то шнягу. Круто! Тварь отбрасывает нахрен. Она валится набок, отключив зад. Я зырю, не отрываясь.

– Так ты еще и плохо соображаешь? Вот тебе, сволочь!

Мудачина в натуре зарывается рылом в снег. Будто получив крутого пинделя. Потом жалобно ноет. И, припадая на заднюю лапу, улепetyвает. Прикинь.

Стою, как в ступоре. Не верю глазам. Это что щас было-то, а, пацан? Ты хоть что-нибудь просек? Я натурально хренею. А девчонка пихает меня в бок. Опять шипит. Клево. Трогаемся с места и пендюрим пуще прежнего. Прямо беговые лошади в натуре. Перед входом в подъезд она стопорит. Видать, снова какую-то хрень вынюхивает, ядрена вошь. Потом толкается и волочет за рукав наверх. Вваливаемся в квартиру. И я ну давай кашлять типа задохлика. Загоняла, короче, нахрен. А этой, ешкин кот, все нипочем. Жмурится себе, чумичка.

– В общем, на сегодня приключения закончены, хе-хе. Порядок. Можешь расслабиться, пупсик.

Пытаюсь хмыкнуть. Но выходит чуханско. Нет, ну в натуре охренеть. Держись, говорит, типа, рядом, и ничего не случится. И правда ведь, гадина-то обломалась круто. Хотя ста-

ралась прям ништяк. Да, пацан? Ну, опупеть, твою мать! Кто ж она такая, Тося-то эта? А на вид совсем обычная, блин. Пока топчусь, девчонка скидывает бутсы и оперативно вымывается из коридора. Клево.

Медленно стаскиваю одежду. Пялюсь, как придурок, в стену, покрашенную зеленой краской. И не нахожу ответа. Подтягиваю сползшие треники, ползу в комнату. Там слоняюсь чуток, крутя те же мысли. Ну, мне до смерти, пацан, не забыть, как та тварь с разбегу хряпнулась обо что-то невидимое. Ну, я просто в ауте, точняк. Ага, а сумку-то чего не разбираешь, козлина? Пошел ты, знаешь куда?

Выглядывает Тося, зовет поесть. Типа сготовила макаронны с тушенкой. Жуем молча. Прямо как в морге, ешкин кот. Девчонка таращится только в свою посудину. Уклоняется, по ходу. А мне в натуре неважноту.

– Тося!

– Да? – Она поднимает глаза, но зырит в сторону.

– А что за хренотень у нас тут?

– Где?

– Ну, здесь, блин. В городе.

– Это ты у себя спроси, я же вчера приехала. Откуда мне знать?

– Да ну как же, ага! Ты ведь в курсе, что за ядрена вошь с нашими чуваками. И пендюлей вон каких можешь навесить. Что, типа, не так?

– Ты задаешь слишком много вопросов. И тебе было ска-

зано все, что нужно. Не больше и не меньше. Понял? А сейчас, милый, вымой-ка посуду. И запомни: нянек тут нет.

Она спокойненько так кладет ложку в пустую тарелку. И выходит. А мне становится говняно. Прямо как кутенка отшлепала, ешкин кот. Обидно как! Сжимаю кулаки. Пацан, где ты, козлина? Ядрена вошь, в натуре кто она такая, чтобы командовать? Развыступалась, дура хренова! Тоже мне нашлась! Да, пацан? Мы-то ведь вместе? Ну. Нафиг было вообще меня сюда тащить, раз уж такой расклад, а? Типа, много вопросов. Ага. А если нихрена не понятно, блин? Вот ты что-нибудь просек? Ну, и я нет. Крындец, твою мать, полный. И чего выпендриваться? Сволочь.

Встаю, начинаю сгребать грязную посуду. Вот радости, блин. Сама бы и драила. Бабской работой еще не занимался, ага. Змеюка. Включаю воду, колбашу всю эту хрень. Даже со стола, ядрена вошь, вытираю. Твою мать! Ну, что, пацан, я типа в натуре послушный мальчик? По ходу, нам ведь пока нарываться не след. Втыкаешь? Не хило бы выждать. Осмотреться, нахрен. Усек?

Эта торчит за столом. Чертит что-то. Вот гадина! Тишком корчу ей рожу, тишком проскальзываю к креслу. Цапаю игру, и пошла кутерьма. Да уж. Мы с пацаном, конечно, живы. Но что, ешкин кот, дальше? Куда тыркаться? Сплошные, ядрена вошь, непонятки. Да, пацан? Цокаю зубом, зыркаю ненароком вверх. Вот блин! Прикинь, эта прямо пялится на меня. Да еще типа смеется. Клево. Нашла развлекуху, ага!

– Прекрати дуться, дурачок. Здесь реально безопасно. Слышишь? Короче, завтра мне придется уйти на весь день. Может, забегу перекусить. Но не точно. В общем, останешься за хозяина. Так что будь добр, приготовь что-нибудь на ужин. Окей? И не пытайся сбежать. Во-первых, это невозможно. Ну а во-вторых, у тебя попросту не будет шансов остаться человеком. Понятно?

Я невольно дергаю плечом и хмыкаю. Она маленько сжимает губы. Зырит еще тверже.

– Это действительно так. Вопросы оставь пока при себе. Думаю, недели через полторы их станет меньше. А сейчас давай спать ложиться. Поздно уже. Короче, двигай в ванную. И не забудь сменить носки и трусы. А также не забудь их постирать – здесь за тобой ухаживать некому.

Опять что-то рисует, типа разговор окончен. Ага, командирша выискалась, блин! Ну ничего. Придет и наше с пацаном время. Только погода. Да, пацан? Тишком показываю этой язык и тащусь мыться. Назло девчонке долго торчу под душем, завывая какую-то хрень. Пусть, короче, побесится малехо. Кое-как жмулю белье. Развешиваю сушить на батарею. Ништяк. Маленько шухерясь, выруливаю в комнату. Прикинь, кресло для меня уже расправлено. Остается застелить, ешкин кот. Клево. А Тося читает книжку. Типа в библиотеке, ага.

– Эй, ты, короче, не жди меня. Укладывайся. Окей?

Киваю. Она берет пижаму и сваливает. Ну, пора, так по-

ра, пацан. Да? Зеваю, вырубаю верхний свет. Ложусь, завертываясь в одеяло. Клево, блин. Не страшно, по ходу. Торчу, как мышь в норке. Даж когда притаскивается девчонка, прикидываюсь, что дрыхну. Хрен знает, зачем. Бзикают пружины. Типа, залезла в кровать. Ништяк. Поворачиваюсь на бок, получше сминаю подушку. За окном свистит ветер. Стучит веткой по стеклу. Не спится, ешкин кот. Тося дышит ровно. По ходу, отрубилась. А я натурально в полете. Столько всякого разного случилось за эти дни, да, пацан? По ходу, меня уже ничего так не вставит, блин. А может, девчонка, типа, с другой планеты? Или этого, как его, с пространства? Умора. Странная она, в натуре.

На улице тоскливый вой. Ежусь, ссыкотно как-то. Проходит несколько минут. К одному голосу присоединяется второй, третий. И вот это уже ансамбль, поющий жуткую песню на незнакомом языке. Жесть. Укрываюсь с головой, так спокойнее. И отключаюсь.

Тося

Закончив с разбивкой, смотрю на мальчишку. Ему необходимы личные вещи, ведь квартира приготовлена только для меня одной. Еще день-два, и от него начнет пахнуть, а одалживать ему свое белье я не намерена. Окей. Это означает, что придется наведаться к пацану домой. Городишко небольшой, и дорога не отнимет много времени. Вот только защищать нужно будет не только саму себя. Зашибись.

Негромко окликаю его. Он поднимает глаза. Блин, какой преданный, доверчивый взгляд. По собачьи. Все же дети такие странные. Реально. Разве у него есть основания полагаться на меня? Он совсем не знает, что я за человек, какие цели пытаюсь достичь. И мне ничто не мешает воспользоваться этим и сделать какую-нибудь пакость. Черт, ему нужно научиться быть осторожным с незнакомыми людьми, пусть даже те и кажутся неплохими. Хе-хе. Понимание реально приходит с возрастом. И вполне возможно, что не мешало бы преподать пацану урок. Но таким учителем явно буду не я. Окей.

Нужно успеть до темноты. Понукаю парня, мы в спешке собираемся и выходим на улицу. Блин. Солнце уже клонится к горизонту. Пока все спокойно, но чтобы остаться в живых, чувак должен следовать определенным правилам. Короче, даю указания. Он торопливо кивает, прям как тот болван-

чик, хе-хе. Моргает уже заиндевевшими ресницами. Ну, что, двинули? И мы впендюриваем к его дому. Нормально. Я держусь за спиной мальчишки, закрывая нас защитным полем. Слава богу, сейчас идти значительно легче, чем утром. Снег смерзся и трещит под ногами. Порядок. Вокруг по-прежнему безлюдно. Не знаю, хорошо это или плохо. Ну, вот и прибыли.

Перед входом в подъезд притормаживаю пацана. Куда разбежался-то? Сканирую пространство перед нами. Гадство, на верхнем этаже, похоже, торчит урод, и он стопроцентно поведется на нас. Окей. Но шансы есть, верно? Тогда вперед. И побыстрее! Стараясь не шуметь, поднимаемся по ступеням. Лестничные пролеты, разбитые окна. Невесело. А наверху, видимо, нас почуяли. Завозилось это чудо-юдо. Тихонько пихаю мальчишку, заставляя шевелиться живее. Он достает ключи, возится с ними, роняет, блин. Зараза. Я начинаю злиться. Но мы успеваем. Хищник спускается огромными прыжками, прямо собака Баскервилей, тяжелое дыхание отчетливо слышно в тишине. Жесть. Захлопываю дверь буквально перед его носом и с удовлетворением показываю язык. Круто. Этот раунд за нами.

Теперь необходимо заняться более прозаичными делами. Окей. Отправляю пацана собираться, а сама осматриваю жилище. Блин, в большой комнате нехорошо, в фоне темно-красный цвет насилия. Видимо, именно здесь умерла его мать. Жесть. Наклоняюсь, зачем-то выдвигаю ящики, откры-

ваю дверцы. Наконец до меня доходит, что занимаюсь откровенной ерундой. Черт. Все, хватит дурью маяться, эй. Прохожу в кухню, изучаю содержимое холодильника и кухонного шкафа. Еда обязательно пригодится, ведь сейчас нас двое. Реально. Пакую консервы, крупы, картошку. Мясо, конечно, тоже хочется, но его никто не сможет приготовить.

Закат краснеет за окном. Окей. Пора сваливать. Заруливаю в соседнюю комнату. Блин! Мальчишка завис на полу среди разбросанных вещей. Да еще устался в стену как идиот. Зашибись. Дергаю его за ухо, давай же интенсивнее, болван! Потом вновь спешу в кухню, складываю продукты во вместительную сумку, выставляю в коридор. Окей. От пацана ни звука. Нормально. Видимо, и не думает торопиться, скотиныш. Сейчас точно напогдаю. Влетаю, злая как фурия, и останавливаюсь. Гадство. Уткнулся в руки и ревет будто маленький. Вот ведь мамсик. Здорово, лучшего момента не выбрать. Особенно теперь, когда нельзя терять ни минуты. Офигеть. Оттолкнув придурка, сама роюсь на полках, выбираю белье и остальное. Намного проще было бы оставить его здесь и уйти. Но я так не могу. Совесть, наверное, или жалость. Наставник бы, короче, не мучился в такой ситуации, а поступил наиболее целесообразно, впрочем, пошли они все.

Заставляю парня встать. Окей. Он точно в коматозе. Вообще-то это странно. С чего бы? Может, хищники парализуют жертв? Ну, прежде чем напасть. А что? Вполне возмож-

но. И чем уродов больше, тем сильнее воздействие. Защи-
бись. Глупо игнорить такую идею. Тогда надо быстрее выби-
раться, пока не поздно. Даю пацану неслабый подзатыльник.
Для энергичности. Он мотает головой. Похоже, даже не вру-
бается, в чем дело. Главное, шевелиться начинает. Нормаль-
но. Заставляю его взять обе сумки, ведь мне нужно быть
предельно мобильной. И мы выскакиваем на улицу. Почти
совсем стемнело, блин. Мелкая снежная пыль бьет в лицо.
Неприятно, но терпимо.

Шуруем, только пятки сверкают. Хе-хе. Нождаданно
малышышка дергаеся, чуть не сбывае меня с ног. Зара-
за. Башку оторву за такие выкрутасы. Крепко хватаю его
за шкварник и вглядываюсь в сумрак впереди. Не повезло.
Там явно тусуется хйщник. И двйгаеся слишком быстро.
Зашибись. Хочет жрать? Или так охотится? Особенности по-
ведеия данного вида мне все еше неизвестны. Черт! Прыга-
ет, гадство. Ну и рожа! В страшном сне увидишь, не один раз
обделаешься. Жесть. Удивительно, что он рискнул напасть.
Вот дерьмо. Какие-то они все тупые тут.

– Бейся не бейся, урод, только черепок разобьешь! По-
нял?

Может, мозги человека влияют на сообразительность по-
лучившегося хйщника? Из дурака выходит дурак, из умно-
го – умный? Фиг знает. Пусть загадки решают другие. У меня
свои, блин, задачи. Нет, ну он реально тупой! Кретин пол-
нейший! Отлетел в сторону и кумекает еше, что ж это ему,

сиротинушке, делать. Зашибись.

– Ты у меня дождешься, сволочь!

Вытаскиваю протуберанец и с силой даю ему под зад. Прикольно! Сразу все осознает, без поправок. Хе-хе. Вон как улепетывает. Скулит и подвывает. Окей.

– Вот и другим передай, недоносок, что со мной связываться не стоит! Самим же хуже будет.

Нормально. Ну, и приключение. Если придется постоянно от них отбиваться, сколько же я провожусь с поисками? Жесть какая. Короче, нужно двигать, ведь неизвестно, сколько их тут. Блин, еще и этот встал, как вкопанный.

– Эй, ты чего застыл-то? Давай, шевели ноженьками! Мы, что, на пикник сюда прибыли?

Молчит. Без зазрения совести пихаю его, куда придется. И только сейчас до меня начинает доходить, какое ярмо я повесила себе на шею. Зараза. «При выполнении задания сотрудник должен быть максимально свободен в своих действиях». Правила ведь, наверное, не глупцы придумали. Верно? Зашибись. А мне сейчас приходится заботиться еще и об этом тормозе. Ну, я молодец. Долго думала, как разнообразить свою жизнь, идиотка! Блин. Толкаю пацана уже со всего размаха. Нормально. Он чуть не падает и даже пытается обернуться. Но все же не делает этого. Порядок. Главное, сдвигается с места.

Дома в изнеможении плюхаюсь на стул. Жесть. Вроде ничего особенного не произошло, но измотана до предела. Что-

то мне это совсем не нравится. Жуткий городишко. И непонятно, с чего бы такое опустошение. Окей. Как бы там ни было, нужно отдохнуть, собраться с силами, ведь завтра предстоит трудный день. Бросаю быстрый взгляд на пацана. Похоже, об ужине придется тоже подумать самой. Офигеть. Дополнительная роль прислуги меня вообще не устраивает. Наверное, пора расставить нужные акценты. Верно? А пока все-таки надо что-нибудь съесть, чтобы не сдохнуть.

Сделав макароны с тушенкой, зову парня. Входит, как бы нехотя. Морду еще такую корчит, зашибись. Короче, явно начинает выпендриваться. Круто. За поглощением еды безмолвствуем. Блин, он меня раздражает. Реально. Ну, что ж, начнем дрессировку. Непререкаемым тоном сообщаю список его непосредственных обязанностей в моем доме. Пацан поводит плечом, поджимает губы, но спорить не спешит. Окей.

– А сейчас будь добр, вымой посуду. И чтобы без фокусов, понял?

Не отвечает. Плевать. Залажу с ногами на диван и еще раз внимательно изучаю карту. Нормально. Наверное, лучше всего сканировать территории в шахматном порядке. Мне кажется, так выйдет быстрее. За относительно небольшое время я отсмотрю весь город, пусть и с дырами. Ну и, соответственно, если повезет, в течение двух недель найду источник. Прикольно. Откуда же начать? Все квадраты пронумерованы, чтобы не запутаться. Ну, и чего тогда мудрить?

Давай, с первого. Окей.

В кухне выключают воду. Через несколько секунд в двери возникает мальчишка. Глядит исподлобья. Зашибись. Придется нам терпеть друг друга. До тех пор, пока не придут спасатели. Хе-хе. Вернее, пока не закрою проем. Круто. Отправляю заморыша в ванную. Смотри-ка, не нравится. Строит всякие рожи, мусолится. Иди, иди, не оглядывайся, нафиг. С тобой только проблем не хватало.

Вызываю куратора. Докладываю ситуацию. Запрашиваю помощь. Получаю отказ. Нормально. Да, наставникам реально насрать на людей. В худшем раскладе я здесь буду валандаться больше месяца. При текущей скорости распространения дерьма за это время в городе не останется ни одного, блин, человека. Сто процентов. Вот если бы прислали еще одного спеца, того же Костю, к примеру, мы все это расколбасили бы в два раза быстрее. Нет, хоть в жопу засунь, наставников моя позиция нисколько не интересует. Офигеть.

Стук. Это хлопнула дверь. Появляется пацан, гримасой выражая презрение к окружающему миру. Ржача. Видимо, к числу отвергаемых теперь принадлежу и я. Окей. Разбираться в причинах его поведения у меня нет никакого желания. Славно то, что поддерживать разговор уже не надо, необходимость отпала. Нормально. Как большой, он сам стелет постель, готовя для себя умирительную норку. Хе-хе. Раздевается до майки и трусов, косится на меня, и ныряет внутрь. Прикольно. Через несколько минут я ложусь тоже.

И почти сразу проваливаюсь в сон.

Встаю в девять утра, как раз начинает светать. Парень спит, высунув из-под одеяла ногу и смешно открыв рот. Ржача. Стараясь не шуметь, умываюсь и завтракаю. Он так и не просыпается. То ли я такая тихая, то ли он дрыхнет, как слон. Хе-хе. Одеваюсь, беру с собой карту и сваливаю. Ночью, блин, опять была метель. Но окреп наст, и это помогает без лишних напрягов топать по заснеженным пустым улицам. Наверное, в ближайшие два дня отключится электричество и отопление. Но в берлоге все останется по-прежнему.

Вот и нужный район. Окей. Главное, не пропустить ни одного дома, ни одного подъезда. Это важно. Захожу в первый. Осторожно поднимаюсь, обследуя пространство вокруг. За некоторыми дверями маются хищники. Видимо, кто-то не успел выбраться, а другие не в состоянии выломать двери. Жесть. Людей здесь нет. Все это не то, что мне надо. Дохожу до чердака. Блин, источником тут и не пахнет. Зараза. И так второй подъезд, третий, двадцать второй. Электрическая будка во дворе тоже оказывается чистой. Но оттуда на меня вылетает урод. Зашибись. Наверное, в засаде сидел, придурок. От неожиданности подскакиваю. Ну, и видон! Реально. К такому кошмарному облику фиг привыкнешь. Жесть. Гада отбрасывает. Смотри-ка, еще черепушкой мотает, на морде – явное недоумение. Да-а. Тупые, точно. Это же надо! Давай, вали отсюда, уродец. Ага, скулит, пятится и реально скрывается в будке. Нет, ну зашибись. Хоро-

шенько тебе там поджариться, вонючий дружок! А мне пора дальше.

Опять подъезды, дома, дворы. И так без конца. Блин. Через несколько часов понимаю, что нужно передохнуть. Иначе скопычусь. Реально. А вот и незапертая квартира. Пустая. Здорово. Трогаю выщербленную дверь, а потом закрываю ее изнутри на засов. Делаю несколько шагов и осматриваюсь. Круто. Никакого беспорядка, только пыль повсюду. Похоже, отсюда ушли самостоятельно и больше не возвращались. Окей. Такое тоже может быть. В детской аккуратно расставлены игрушки, и до сих пор несет какой-то ванилью. Нормально. Глазастый мишка лежит, раскинув мягкие лапы, на коврике. Смешной. Наверное, бэбик хотел его взять, а ему не разрешили. Ведь мамы часто опаздывают и из-за этого нервничают. Вырвала из рук и кинула в сторону. Реально. И не по злобе, а так, в сердцах. Чтобы слить раздражение. Блин, он похож на того неказистого ушастика, что у меня самой был в детстве. Хе-хе. Прикольно. Пройти мимо никак. Реально. Поднимаю и рассматриваю его. Умильная рожица, ржачный хвостик, а сам такой пушистый, что так и тянет потискать. Окей. Сажу с ним, наверное, полчаса. Улыбаюсь и пялюсь на фотографии напротив. Оказывается, тут жили мальчик лет пяти и его мама. Где-то должен быть еще и папа, но его изображений в детской нет. Окей.

В животе урчит. Да, блин, не мешало бы перекусить. Может, в кухне найдутся консервы? Осматриваю крошечное по-

мещение. Прикольно. Здесь тоже царит порядок. И если бы не пыль, можно было бы представить, что хозяйка вот-вот вернется. Печально все это, блин. В пристеночном шкафу обнаруживаю скумбрию в масле и банку соленых помидоров. В подвесном шкафчике – растворимое пюре. Круто. Мишку сажу на табурет, а сама готовлю нехитрую жаренку. Похожа ли я на воришку? Не знаю. Грустно мне. Реально. Жили себе люди, плохие или хорошие. Скорее всего, намешано в них было разного. Жили они себе, жили, строили планы, мечтали о чем-то. А тут – бац! И нет никого. Напоминает войну. Жесть. Чайник свистит, плюясь паром. Окей. Завариваю картошку. В цветастую кружку наливаю чай и устраиваюсь напротив медвежонка. Его темные пуговичные глаза глядят осмысленно, будто он соглашается со мной: да, друг Тося, такие вот бывают дела на свете. Зашибись.

После еды зачем-то мою посуду. Наверное, просто чтобы оставить все так, как было до моего прихода. Маленькая частица гармонии, вложенная мной в море хаоса. Хе-хе. Затем натягиваю полушубок и уже у двери оборачиваюсь. Ушастик жалобно тарашится вверх. Его, блин, второй раз собираются бросить. Ах ты, черт! Хватаю медведя, засовываю в свою сумку. Потом отодвигаю засов и навсегда прощаюсь с этой квартирой, его аккуратной хозяйкой и ее сыном.

А дальше следующий подъезд и дом, и еще скверик за поворотом. Офигеть. Вечереет. Окей. Это означает, мне нужно сворачиваться. Тем более что хищники активизируются. Ви-

димом, к ночи. Вполне возможно, у себя они охотятся именно после захода солнца. Опять загадка, и вновь не для меня. Короче, лучше поторопиться. Остался всего один дом. Как в полусне прохожу по его этажам. Здесь тоже чисто. Окей. Таким образом, сегодня мне не повезло. Чудо не случилось, и в этом районе открытый проем не обнаружен. Почти вслепую спускаюсь по лестнице. На улице совсем темно, а лампочки не горят. И такая же чернота в моей душе. Я уверена, что людей до рассвета станет еще меньше. Жесть.

Пробираюсь по кварталам, где почти не осталось освещенных окон. И дома похожи на стены ущелий. А в подворотнях копошатся эти ужасные существа, переговариваясь гортанными звуками. И их язык несколько не напоминает человеческий. Иногда голоса сливаются во что-то наподобие хора. Тогда становится особенно жутко. Жесть. Когда наши пути пересекаются, уроды неохотно отходят в сторону и злобно рычат. Но не нападают. Это не может не радовать, верно? Короче, будто фантасмагория или страшный сон.

Теоретически можно было бы работать и ночью при свете фонаря. Реально. Это дало бы мне выигрыш во времени. Но только в случае, если проем находится в тех квадратах, которые первыми в списке. А вот в противном случае через пару дней я свалюсь от усталости, причем с нулевым результатом в корзинке. Хе-хе. И еще восстанавливаться, блин, буду дольше, чем вкалывала. Непростая, нафиг, ситуация. Реально. Не представляю, как в одиночку можно ускориться.

Жесть.

Ну надо же, гадство, как воняют эти хищники! Закрывая нос, тороплюсь пройти очередную подворотню. Вновь вижу вверх желтое пятно окна. На секунду торможу, ведь там живые люди. Пока живые! Их еще можно спасти. Окей. Но куда мне их девать? Единственное безопасное место здесь — это моя берлога. А она, черт побери, не резиновая. Зараза! Проклятые наставники со своими дурацкими принципами! Блин.

И тут впервые за весь день вспоминаю о мальчишке. Прикольно. Интересно, как он там? Надеюсь, ничего не поджег и не разгромил. Это было бы слишком. Реально. Я ведь не прошу лишнего. Немного тишины, покоя и хорошего настроения. Разве это роскошь? Последние шаги до дома. Окей. Поднимаю голову. Мое окно освещено, как и то, за несколько улиц отсюда. И темный овал лица, прижатый к стеклу. Пацан однозначно ждет, когда я приду. Надо же. Хоть кому-то здесь не наплевать на меня. Круто. А ветер без конца швыряет снежную пыль. Кажется, он дует со всех сторон, зараза. Вдыхаю, отряхиваю ботинки и медленно поднимаюсь по ступеням крыльца.

Почему бывает страшно в темноте, а? Может, это дыхание чужих пространств? В чернильной мгле всегда кажется, они здесь, только руку протяни. Или это ужас первобытного человека, который постоянно ждет нападения? Вот иду, и холодок страха ползет за воротник. Реально. Такая бессозна-

тельная чушь. Не объяснимая ничем. Ведь я знаю наверняка, что защищена полем. Надежным, проверенным и крепким. Но ничего поделатъ с собой не могу. Зашибись.

Последний раз смотрю в провал лестничного проема на площадке и толкаю дверь квартиры. Окей. Меня встречает запах еды. Здорово. Один позитив уже обеспечен, верно? Мягкие теплые тапки – второй. На этом счет пока окончен. Хе-хе. Или не совсем? Мальчишка делает вид, что не замечает меня. Нормально. Наверное, это тоже в плюс. Падаю на диван и какое-то время просто бездумно сижу. В голове ни одной мысли, а вокруг тепло, светло и безопасно. Огромный плюс, скажу я вам. Круто. Пацан все-таки выкопал где-то электронную игру и сейчас самозабвенно лупит по клавишам. Офигеть. Не иначе в кладовке рылся, поросенок. Ну, хоть чем-то занялся. Хе-хе.

С хрустом потягиваюсь, потом шлепаю в кухню. Реально хочется есть. А на плите жареная картошка с сосисками. Прикольно. Море позитива, однозначно. Накладываю жарчки с горкой. Окей. Сегодня придется ужинать без компании. Ну и ладно, пусть себе дальше выделяется. А ведь вкусно приготовил, заморыш. Может, ему в повара податься? Хе-хе. Отложив вилку, шурюсь на лампу, которая мерцает вполне себе ласково. И на душе хорошо так, спокойно. Я бы даже сказала, сыто. Ржача. Откуда-то издалека, как посторонний, едва слышный шум, приходят разные мысли. Блин, вернее, не так, не как шум, а как прибор. Уходят и приходят, накаты-

вают и откатывают. Зашибись. Интересно, есть ли какой-нибудь смысл в моей жизни? Ну, вот реально? Ну, выполняю я задание, займусь чем-нибудь другим. Потом опять выполняю и опять другим. Будто в колесе. А для чего все это нужно? Есть ли цель какая-нибудь? Без дураков. Ведь быть просто винтиком как-то беспонтово. Верно? Блин, Тося. Задавай побольше вопросов, на которые не знаешь ответа. И уж как-нибудь сойдешь за умную. Так, что ли?

Эх, ладно, забьем, тоже мне, рассусолилась. Пора и о делах подумать. Мою тарелку, выключаю свет. Пацан все так же колбасит по кнопкам и только искоса быстро взглядывает на меня. Окей. Во что же он такое играет? А, впрочем, все равно. Зеваю, отмечаю на карте пройденный район – их оказывается два. Здорово. Короче, пойду в шахматном порядке. Возражения есть, блин? Круто. Тогда завтра меня ожидает квадрат номер четыре. Офигеть. Усаживаюсь поудобнее и вызываю наставника. Отвечает сразу, орел-то наш. Хе-хе. Отчитываюсь о проделанной за сегодня работе. Ну, блин, конечно, ему не нравится, что проем не найден. Вот сам бы и искал, раз такой умелый. Снова поднимаю тему о напарнике. Отказывает. Черт бы его побрал. Мальчишку тоже не соглашается забрать. Причем прямо так и заявляет – «сейчас нам это не нужно». Зашибись! Будто мне нужно.

Вскрик. Чего еще такое? Пацан, что ли? Смотри-ка, вытирающийся! Испугался, родимый? Ржача. Может, говорю что-нибудь вслух? Или моська как-то меняется? Фиг знает. Что

там видит внешний наблюдатель, мне неизвестно, хе-хе. Судя по реакции парня, контакт с наставником выглядит довольно жутко. Ладно, учтем.

– Серега, ты бы сходил, поужинал, что ли. Чего сидеть голодом? Есть-то не хочешь? А?

Он вздрагивает, беззвучно шлепает губами и наконец вылезает из кресла. Окей. Согнувшись, шаркает в кухню. Гремит там посудой. Нормально. Ну-ка, посмотрим, что у него там за игрушка? Офигеть! «Убей зомби». Это что за ерунда такая? Нажимаю красную кнопку. На экране появляется покачивающееся ружье на фоне подвала, что ли. Зашибись. Видимо оный предмет – мое средство нападения и защиты. А сбоку медленно восстает полуразложившийся труп. Нет, ну я фигею. Реально. Пытаюсь разобраться в управлении. И случайно палю в этого синюшного упыря. Ошметки плоти разбрызгиваются по складскому помещению. Жесть. Блин, будто реальных монстров в жизни не хватает.

А вот и сам игрун на пороге. Нормально. Отправляю его мыться. Надо же, не перечит. Ржача. Короче, пока он плещется, стараюсь восстановить силы. Окей. И как-то незаметно засыпаю. Видимо, реально вымоталась подчистую. Блин, когда продираю глаза, абориген уже спит. Лампу оставил включенной. Заботливый какой, нафиг. Короче, пора и мне ложиться.

Просыпаюсь как от толчка. Прислушиваюсь. Вроде все в порядке. Окей. Тогда откуда ощущение, что кто-то пытал-

ся прощупать мои мозги? Или это сон? Осторожно приподнимаюсь на локте. Светает. И уже довольно поздно, наверное, часов девять. Пацан мирно сопит. В берлоге тишина. Что происходит? Зараза. Такое просто почудиться не могло. Ничего не понимаю. Зашибись. Наверное, надо быть более осторожной. Но в чем? Вот гадство. Попробую поразмыслить в течение дня. А сейчас пора вставать.

Горячий кофе обжигает. Мысли о непрошенном посещении не выходят из головы. Похоже, я здесь не одна такая «интересная». Окей. И визитер – не кто иной, как тот чувак, что открыл проем. По-крайней мере мне так кажется. Офигеть. Значит, у него есть способности, да еще какие! Пролезть сквозь общую защиту – сумеет надо. Окей. Что дальше? Если это действительно так, то проем он открыл не по дурости, а с некоторой целью. Только вот с какой? И вообще выходит, хмырь остался жив после встречи с хищником. Зашибись. Окей. А права ли я в выводах? Может, его все-таки уделали? Но в итоге получившийся урод перенял способности. Фиг знает, блин. У меня стойкое ощущение, что хищники ниже нас по развитию. Вроде макак. А по сути своей – паразиты. Окей. Но ведь я могу ошибаться с точностью до наоборот. Верно?

Считается, что нашу защиту пробить нельзя. Но незнакомец, по сути, сделал именно это. Жесть. Насколько же он силен? Черт, даже задуматься страшно. Окей. Я была настолько убеждена в своей безопасности, насколько вообще дове-

ряла наставникам. Да, считается, что защиту пробить нельзя. Поэтому моя задача всегда состоит только в том, чтобы найти и закрыть проем. А затем уступить место другим сотрудникам. И не задумываться ни о чем. Прикольно. Но действительность, оказывается, бывает разная. Вот и на меня нашла та самая проруха. А если бы он меня убил? Дерьмо. Надо что-то срочно предпринять, реально.

Куратор не удивляется вызову. Фиг знает, есть ли у них хоть какие-нибудь эмоции. Или, может, удивить их уже ничего не в состоянии? Интересненько. После первых же моих слов орел подключает к разговору других наставников. Они долго что-то обсуждают на своем шипяще-свистящем языке, не удосуживаясь переводить. Окей, фиг с ними. Засунем пока в жопу свое сомнение. Короче, выходит, никто не ожидал встретить инициатора живым, да еще с талантами. Круто. Но у них нет сомнений, что именно он посетил меня сегодня утром. Ну, зашибись. А я-то переживала. И еще, в отношении меня будут определены дополнительные меры защиты. Какие – пока не уточняется. Я фигею. А пока мне надо держаться настороже и быть более предусмотрительной. Нет, ну я реально фигею! Что за ерунда? Тут даже не понять, кого и когда опасаться, блин. Эй, эй!

Конец связи. Зашибись. Помощи получила вагон. Короче, оборони себя сам. Нормально, блин. В общем, как бы там ни было, пора собираться. И так отклонение от графика на целый час. Придется вечером в темноте шарашиться. Сегодня

у нас квадрат номер четыре. Включает один квартал, но достаточно большой. Ого, минус двадцать пять за бортом. Придется надеть два свитера. Окей. Спешно одеваюсь. Пацан по-прежнему спит, причмокивая во сне. Ну, все, ухожу.

Надо же, до чего холодно на площадке. Жесть. Ну, понятно. Открыта входная дверь и батареи почти холодные. Здорово, что я живу не на лестнице, хе-хе. На улице мороз сразу схватывает щеки. И еще этот ветер! Ну почему здесь он всегда? Зараза. Минут через десять начинают неметь пальцы в перчатках. Быстрее бы добраться до нужного здания. Почти бегу. Сверяюсь с картой. Ага, вот тут. Захожу в первую дверь. Намело дофига снега, и тоже дубарь. Топаю выше и выше. Чисто. Окей. Иду в следующую, и внезапно оскальзываюсь на ступеньке. Что такое? Черт! Под почтовыми ящиками реальный труп с перерезанным горлом. Кровищи из него вытекло! И вся уже замерзла. Видимо, не меньше суток валяется. Блин, противно как. Трогаю ботинком его ногу. Остекленевшие глаза выпучены в потолок. Несладко ему пришлось напоследок. Сам он, что ли, себя оприходовал? От безысходности? Жесть. Обхожу тело, поднимаюсь дальше. Скулит чудо-юдо из-за двери, черное размытое пятно дергается на более светлом фоне. Окей, хоть этот пока не на охоте. Доползаю до чердака. Подъезд чистый. Спускаюсь, шурую дальше. И так несколько часов. Зашибись. Надо отдохнуть, я устала и совсем ооченела.

Ворона перелетает с дерева на дерево, сопровождая меня.

Не люблю этих помойниц. Реально. Пшла, вон! Дергаю ручку еще одного входа в дом. Поднимаюсь. Блин, на последних этажах какое-то движение. Рычание хищника. И вдруг пронзительный крик страха. Там человек! Бросаюсь наверх. Не откликнуться сейчас уж точно нельзя. Стук сердца отдается в ушах. В горле пересохло. Зашибись. Урод прижал свою жертву в угол, и ему не до меня. А зря! Сквозь остатки одежды торчит шерсть, а еще он дико воняет. Жесть. Мгновенно выбрасываю протуберанец и с силой бью существо по круглой башке, вжатой в плечи. Порядок. Гадина смачно икает и валится набок. Сбрасываю неподвижное тело в лестничный пролет. Внизу глухой удар. Окей. Хотя, наверное, через несколько часов все-таки очухается и выйдет на новые поиски.

Поворачиваюсь. У стены дрожит женщина. Глаза расширены от ужаса, угол рта подергивается. Одна рука прижата к груди, в другой – швабра. Да, оружие просто зашибенное, если подумать. А сама жертва на грани истерики. И ее можно понять, блин. Окей, нужно что-нибудь сделать, так просто ее оставлять здесь нельзя. Реально. Пытаюсь высвободить палку из стиснутых пальцев. Никак. Светло, что ли? Приходится отгибать каждый. Порядок. Инструмент обороны падает на цемент. Одно дело сделано. Сейчас бы отвести беднягу в относительно безопасное место, желательно не в мою берлогу. Окей. И тут ноги женщины подкашиваются, и она сползает на пол. Зашибись. За шкварник ее теперь, что ли, воло-

чить? И куда? Оглядываюсь. Здорово, одна из дверей на площадке приоткрыта. То, что требуется. Еще бы стронуть эту белоснежку с места.

– Пупсеныш, нам нужно сваливать отсюда. Понимаешь? Ау!

Блин, она начинает неудержимо рыдать. Круто. Вцепляется мне в руки.

– Эй, голубушка, если не уйдем, вернется тот урод. Слышишь? Давай потихоньку сваливать. А?

Интересно, откуда только у меня слова такие берутся? Хе-хе, скоро психологом можно будет работать. Нормально. Всхлипывания становятся реже. Женщина судорожно сглатывает и пытается встать. Прикольно. Помогаю ей не упасть снова.

– Мне страшно. Везде. Дома тоже.

– Ничего, все наладится. Реально. Вон в той квартире никого нет, я же вижу. Давай все-таки туда двигать, пока не поздно. Окей?

Она покачивается, не решаясь сделать первый шаг. Но медлить реально нельзя, ведь неизвестно, когда чудо-юдо очухается. Подталкиваю бедолагу к двери. А потом просто тащу. Зашибись. Работаю бульдозером, хе-хе. В коридоре она устало опускается на тумбочку. Прикольно, оказывается это ее жилье. А я запираю все замки. Порядок. Оборачиваюсь. И разглядываю незнакомку. Все ж таки интересно, кого я спасла. Милое, довольно симпатичное лицо. Ка-

рие большие глаза. Немного оттопыренные уши. Руки сжала в замок. Пальцы длинные, гибкие. Музыкантша, что ли? Короче, наверное, в любом случае из интеллигентов, блин. Окей. Молчание затягивается. И неудивительно, бедняга реально в шоке. Взгляд пустой, в никуда. Нерешительно кашляю. Она вздрагивает и непонимающе смотрит. Блин, чувствую себя совершенно лишней здесь. И чего осталась? Тоже, нафиг, утешительница нашлась. Быстро опускаю голову и вижу лишь край ее синей юбки. И тут женщина поднимается. Тихо извиняется и приглашает в комнату. Здорово.

Вещи разбросаны, будто их хозяйка металась, не находя выхода. Она оглядывается на меня и начинает суетливо рассовывать их по разным местам. Совершенно лишние действия в данных обстоятельствах. Реально.

– Э, сударыня, оставили бы вы все это. Какая, в принципе, разница? Лучше расскажите о себе. Мне это важно. Без приколов.

Странно, но мое предложение не вызывает вопросов. Нормально. Хотя, что угодно, наверное, можно списать на доверие к спасителю. Да?

Анна, значит, ее зовут Анна. Она очень напугана и уже несколько дней не выходит из квартиры. Но сейчас закончились все продукты, поэтому возникла необходимость поискать что-нибудь у соседей. А их давно не слышно. Вообще в доме такая тишина, что становится страшно. Телефон не работает, на улице не видно людей. Шастают только эти

нежити.

Интересное название хищников, блин. Короче, наверное, она попала в точку. Хе-хе. Нежити! Придумала же.

У нее такое ощущение, что она осталась совсем одна в городе. И так радостно, что есть еще живой человек.

Тут женщина прерывисто вздыхает, теребя рукав кофты, и спрашивает, не составлю ли я ей компанию. Прикольно. Ответить мне нечего. Она имеет в виду совместное выживание. Вдвоем, наверное, действительно проще. Но здесь мы в очень неравных условиях. Все, что я могу предложить, это позаботиться о ней до прихода моих коллег. И даже в таком случае она станет дополнительной обузой для меня. Реально. Мне придется выбирать время, чтобы навещать, искать продукты, успокаивать. Жесть. Нет, вот умею я создавать себе проблемы на ровном месте. Будто пацана не хватает. Окей. Но, с другой стороны, не бросать же беднягу на произвол судьбы. И так всех этих людей просто кинули. Реально оставили без оружия в клетке с вурдалаками. Ладно. Делаю неопределенный жест рукой и сажусь в кресло. Женщины благодарит взглядом. Зашибись, я такая хорошая.

Вчера к ней весь вечер долбилося это чудовище, но затем пропало. Анна решила, что оно направилось искать другого человека. Оказалось, нет, затаилось на верхнем этаже.

Опять вздох на уровне рыдания. Сжатые на груди пальцы. Офигеть.

Ночью под окном завывал какой-то дьявольский хор,

не давал уснуть. А сегодня пришлось вот выйти за едой. Все квартиры на площадке оказались заперты, и когда она начала спускаться, нежить напала на нее. И если бы не я, Анны не было бы уже в живых. Ах, она так мне благодарна, что даже не знает, как это выразить.

Круто. Вот такие пироги. Ужас и горе. Рядом. Долгие месяцы. И лицо ее поблекло, осунулось. Но я думаю, она сумеет выкрутиться, когда все это дерьмо закончится. Ей просто нужен покой и отдых. Мне так кажется. Короче, крепкожимаю ей руку. Как пожала бы каждому, имеющему мужество в одиночку сопротивляться хищникам.

– Анна, сейчас я быстренько смотаюсь за продуктами. А ты закроешься и будешь терпеливо ждать. Понятно?

– О, господи, какая жуть! Неужели вы одна пойдете туда? А вдруг зверье поджидает поблизости. Одну вас я не пущу!

Блин, ну начинается. Не объяснять же ей что и как. И так уже кучу времени тут потеряла.

– Короче, ничего со мной не случится, поверь. Вернусь, максимум, через пятнадцать минут. И дай мне, пожалуйста, ключи на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.